

ТАШ ЭНИКЛИС

НАСЛЕДНИКИ
КЗАЛЪДР

18+

Таш Эниклис

Наследники. Кзальдр

«Автор»

2026

Эниклис Т.

Наследники. Кзальдр / Т. Эниклис — «Автор», 2026

Вацлав Яропольцев мертв. Обряд сорван. Но тот, кому он служил, не исчез.

Люди продолжают умирать. Горский пытается увидеть то, чего еще увидеть невозможно, а Батьков понимает, что на этот раз вдвоем им не справиться. Потому что теперь придется сражаться с самим Кзальдром.

© Эниклис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
От автора	6
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Таш Эниклис

Наследники. Кзальдр

Дисклеймер

Предупреждение для читателя

Данное художественное произведение содержит сцены и темы, которые могут быть тяжелы для восприятия некоторой аудиторией, включая:

- табакокурение;
- сцены насилия, жестокости и убийств;
- описания смерти и психологически напряженных ситуаций.

Книга предназначена для зрелой аудитории.

Если перечисленные темы вызывают у вас дискомфорт, тревогу или сильные эмоциональные переживания, рекомендую воздержаться от чтения.

Автор не пропагандирует употребление алкоголя и табакокурение и рекомендует придерживаться здорового образа жизни.

От автора

Не каждому чудовищу нужна трагическая история, чужая вина или причина, способная вызвать жалость. Иногда зло — это просто зло. И оно прекрасно знает, куда ударить.

«Наследники. Кзальдр» — третья книга цикла «Наследники». Мы снова возвращаемся в Рудноград, где сорванный Обряд еще не означает победу, мертвые продолжают хранить чужие тайны, а дорога может появиться задолго до того, как кто-нибудь решится по ней пройти.

Эта история о выборе, который однажды кажется единственно правильным, доверии, которое приходится заслуживать заново, и людях, собирающихся в полк раньше, чем сами понимают, что уже давно идут за Главным.

Рудноград снова открывает свои двери, но на этот раз — тому, кто слишком долго стоял снаружи.

Таш Эниклис

Пролог

Ковалев положил перед митрополитом протокол и показал нижнюю строку.

— Проверьте данные и распишитесь.

Тот снял перчатку. Фамилия, имя, дата рождения и адрес были указаны верно. Он поставил подпись и вернул ручку. Следователь убрал протокол в папку, но закрывать ее не стал. В небольшом кабинете находились только они. Сотрудник морга остался за дверью и ждал, когда его позвут.

— Перед опознанием я должен задать несколько вопросов, — сказал Ковалев.

— Спрашивайте.

— Когда вы в последний раз видели сына?

— Утром в день его смерти. Вацлав приезжал ко мне в резиденцию.

— Во сколько?

— Около девяти.

— Надолго?

— Примерно на час.

Ковалев записал ответы.

— О чем вы говорили?

— О делах «Собора».

— Каких именно?

— Финансирование, несколько благотворительных программ, предстоящие мероприятия. Если потребуются документы, епархия их предоставит.

— Он собирался куда-то после встречи?

— Вацлав не говорил.

— Вы ему звонили?

— Вечером. Телефон был недоступен.

Следователь поднял глаза.

— Почему вы не сообщили о его исчезновении?

— Сыну было тридцать лет. Он мог задержаться, изменить планы или не захотеть отвечать.

— Это было на него похоже?

— Да.

Павел отметил что-то в протоколе. Лаврентий ждал следующего вопроса. В коридоре хлопнула дверь, послышались голоса, и снова стало тихо.

— Станиславу Кривову вы знаете? — спросил Ковалев.

— Слышал о ней.

— От сына?

— Он упоминал девушку, которой помогал «Собор».

— Вы встречались с ней?

— Нет.

— О ее отношениях с Вацлавом что-нибудь знаете?

— Нет.

— Он говорил, что она пропала?

— Не говорил.

Ковалев отложил ручку.

— Вы совсем не интересовались жизнью сына?

— Вацлав давно стал взрослым. Он не нуждался в моем разрешении и не отчитывался о каждом своем шаге.

— Но продолжал приезжать к вам обсуждать работу.

— Я митрополит Рудноградский. «Собор» получал поддержку епархии.

— Только поэтому?

Лаврентий посмотрел на него.

— Сформулируйте вопрос точнее.

Тот немного помедлил и снова взял ручку.

— У вашего сына были враги?

— Не знаю.

— Он рассказывал об угрозах?

— Нет.

— Вы можете предположить, кто хотел его смерти?

— Если бы мог, уже назвал бы имя.

Следователь записал ответ.

— Пройдемте на опознание.

Они вышли в коридор. Возле дальней двери ждали двое мужчин. Ковалев представил пожилого:

— Судебно-медицинский эксперт Логинов Геннадий Федорович.

Тот кивнул.

— Владыка Лаврентий, примите соболезнования.

— Благодарю.

Сотрудник морга открыл дверь и пропустил их внутрь. Посередине помещения стоял металлический стол. Тело накрыли светлой простыней до подбородка.

Лаврентий остановился у двери. Вацлав лежал на спине, повернув голову немного влево. Волосы ему расчесали, но уложили непривычно. При жизни он постоянно поправлял их ладнью, особенно когда нервничал.

— Подойдите, пожалуйста, — произнес сотрудник морга.

Митрополит подошел. Серое лицо сохранило сходство с тем Вацлавом, который еще недавно сидел напротив него в кабинете. Уголок рта был слегка опущен. Сын всегда так поджимал губы, когда выслушивал наставления и ждал возможности возразить.

— Вы узнаете этого человека?

Лаврентий заставил себя ответить:

— Конечно. Это мой сын. Вацлав Лаврентьевич Яропольцев.

Ковалев подал ему протокол. Ручка задела бумагу и оставила короткую черту возле подписи. Тот дописал фамилию и положил ручку на край стола.

— Когда я смогу забрать тело?

— После завершения экспертизы, — ответил следователь. — Если дополнительных исследований не потребуется, вам сообщат в ближайшие дни.

— Причина смерти установлена?

Логинов подошел к столу.

— Проникающее ранение грудной клетки. Окончательное заключение еще не готово.

— Один удар?

— Один.

Сотрудник морга немного опустил простыню. В верхней части груди темнел узкий обработанный разрез. Лаврентий смотрел на него, пока ткань не вернули на место.

Вацлав успел увидеть удар. Наверняка понял, кого выбрал Эстимар, и до последнего не поверил, что приказ обернулся против него.

Он перевел взгляд на лицо сына.

— Я могу остаться с ним на несколько минут?

Ковалев посмотрел на Логинова. Тот кивнул и первым направился к двери.

— Пять минут, — предупредил следователь.

— Благодарю.

Дверь закрылась. Лаврентий подождал, пока шаги стихнут в коридоре, подошел ближе и поправил волосы сына. Пальцы коснулись холодного лба. В детстве Вацлава это всегда раздражало.

— Я предупреждал тебя, — тихо сказал митрополит. — Ты снова решил, что знаешь достаточно.

Злость не спасала. Смерть сына от этого не стала чужой.

Лаврентий провел ладонью по его волосам и убрал руку. На запястье под краем простыни виднелся разрез. Кровь в Келье соединилась, Обряд начался и не завершился. Вацлав оказался способен даже собственную смерть превратить в ошибку, последствия которой придется исправлять другим.

Одна лампа под потолком мигнула. Митрополит поднял голову. На стекле появилась белая полоса. Мороз быстро закрыл нижнюю часть окна и добрался до жалюзи. Металлический край стола побелел под рукой. Он отступил от тела. В дальнем углу потемнела стена.

— Владыка.

Лампа погасла. Тень стала плотнее.

— Ты скорбишь.

Лаврентий склонил голову.

— Простите меня. Он остался моим сыном.

Холод прошел сквозь рясу и сдавил грудь. Митрополит опустился на колени.

— Я не сумел отказаться от него сразу.

— Откажешься?

Он не ответил. Вацлав был мертв, но перед ним сейчас был хозяин, которому Лаврентий служил большую часть жизни. Любой ответ прозвучал бы либо ложью, либо неповиновением.

— Я исполню вашу волю.

— Исполнишь.

Мороз добрался до тела. На волосах Вацлава появился белый налет, по ресницам прошла тонкая ледяная кромка. Лаврентий посмотрел на сына и заставил себя снова опустить голову.

— Что вы прикажете?

Тень протянулась по полу и остановилась возле металлического стола.

— Похорони.

Лампа загорелась ярче. Мороз на стекле перестал разрастаться, в углу снова была обычная стена.

Лаврентий поднялся с колен. Белый налет на волосах сына начал таять. Он достал платок, вытер влагу со лба Вацлава и вернул простыню на место.

Ковалев вошел после первого стука. Следом появились Логинов и сотрудник морга.

— Закончили? — спросил следователь.

— Да. Сообщите в епархию, когда тело можно будет забрать.

В коридоре его ждал келейник. Он шагнул навстречу и протянул митрополиту пальто.

— Машину подать к служебному входу, Владыка?

— К главному.

Он надел пальто и направился к лестнице. Келейник пошел следом.

— Свяжись с кафедральным собором. Пусть готовятся к прощанию. Церемония будет открытой.

— Хорошо, Владыка. Что-нибудь еще?

Лаврентий остановился возле лестницы.

— Гроб будет открытым.

Глава 1

Отпевание закончилось. Певчие на клиросе запели стихиры последнего целования, и люди потянулись к открытому гробу. Они крестились, целовали венчик на лбу Вацлава или икону, лежавшую у него на груди, и отходили к правой стене кафедрального собора. Некоторые задерживались, мешая следующим, но служители их не торопили.

Лаврентий стоял у изголовья. С этого места он видел лицо сына и весь проход от дверей до амвона. Очередь почти не уменьшалась. Сотрудники «Собора» пропускали вперед пожилых прихожан и поддерживали тех, кому становилось плохо.

Женщина в темном платке опустила перед гробом на колени, прижалась лбом к краю и заплакала. Она благодарила Вацлава за сына, которого тот отправил на лечение. Дежурный администратор помог ей подняться и отвел в сторону. Следом подошел мужчина, несколько раз перекрестился и положил возле гроба белые гвоздики.

Лаврентий знал не всех. Вацлав собирал вокруг себя людей, которым требовались помощь, вера или человек, способный решать за них. Получив желаемое, они уже не замечали разницы между благодарностью и подчинением.

В первых рядах стояли сотрудники «Собора». Администратор не отходил от прохода и постоянно оглядывался на митрополита. Рядом плакала женщина с кухни. Двое охранников держались возле колонны и выглядели растеряннее остальных. При Вацлаве каждому было известно, где стоять, кого пропускать и чего нельзя спрашивать. Теперь они ждали распоряжений, а отдавать их было некому.

Яропольцев-старший перекрестился вместе со всеми. В морге лицо Вацлава было серым. Теперь его подготовили к прощанию, уложили волосы и скрыли следы вскрытия под одеждой. Высокий ворот рубашки и темный пиджак он выбрал бы сам. Только руки лежали непривычно спокойно, удерживая небольшую икону.

Очередь дошла до Холодовых. Игорь Павлович пропустил жену вперед. Лидия Аркадьевна перекрестилась, наклонилась к венчику и задержалась возле гроба. Потом отошла, освобождая место мужу. Тот поклонился покойному и поднял глаза на Лаврентия.

— Примите мои соболезнования, Владыка.

— Благодарю.

За Игорем ждали люди, и он последовал за женой. Холодовы остановились возле сотрудников епархии и больше к гробу не подходили.

У дальней колонны стоял Ковалев. Он пришел один, в темном костюме, и держался в стороне от прихожан. Несколько сотрудников «Собора» принимали его за знакомого Вацлава и подходили выразить соболезнования. Следователь отвечал, но представляться не спешил.

Митрополит сразу заметил его. Ковалев получил возможность увидеть окружение погибшего и воспользовался ею. Когда их взгляды встретились, следователь поздоровался движением головы. Тот ответил и повернулся к человеку, подошедшему к гробу.

Прощание продолжалось около часа. Люди приносили цветы, фотографии и записки. Служители уносили лишнее на отдельный стол. На одном снимке Вацлав стоял перед зданием «Собора» в окружении подростков. Рядом лежала маленькая деревянная фигурка ангела.

Яропольцев-младший любил такие подарки. Благодарил, запоминал имя дарителя и потом выставлял их в кабинете. Каждый предмет напоминал посетителям, скольким людям он помог и сколько человек ему обязаны.

Последней к гробу подошла женщина с девочкой лет десяти. Ребенок положил рядом с цветами сложенный лист бумаги и перекрестился, глядя на мать. Та поправила ей платок и увела к выходу.

Стихиры закончились. Священник подошел к гробу, прочитал разрешительную молитву и вложил ее текст в руку Вацлава. Служители накрыли тело погребальным покрывалом, оставив лицо открытым. Лаврентий приблизился и коснулся венчика губами. Больше никто не должен был прощаться с сыном, но он не отходил, пока священник не обратился к нему:

— Владыка?

Тот выпрямился.

— Продолжайте.

Покрывало подняли до головы. Священник крестообразно посыпал его землей и отошел. Служители установили крышку и закрепили ее. Вацлав был готов к выносу из храма и погребению на кладбище.

Певчие запели «Вечную память». Люди осеяли себя крестным знаменем, многие снова плакали. После последнего повторения двери кафедрального собора открыли настежь.

Ковалев вышел вместе с прихожанами. Возле дверей он взял со стола поминальную карточку с фотографией Вацлава и убрал в карман. Останавливать его никто не стал.

Гроб пока оставался возле амвона. Служители убирали венки с прохода и готовились нести их к катафалку. Сотрудники «Собора» собрались возле первых рядов, но расходиться не торопились.

Дежурный администратор подошел к Лаврентию, остановился на почтительном расстоянии и сцепил руки перед собой.

— Владыка, простите. Нам завтра открываться?

— «Собор» продолжит работу.

— Конечно. Просто Вацлав Лаврентьевич сам утверждал расписание и распределял дежурства. Некоторые сотрудники не знают, выходить ли им.

— Вы отвечаете за администраторов?

— За дежурную смену.

— Составьте расписание на неделю. Все прежние программы пока остаются без изменений.

Мужчина выдохнул и расправил плечи.

— Хорошо, Владыка. А потом кто будет решать?

— Я сообщу.

— Благодарю. Мы все сделаем.

Он вернулся к остальным. Сотрудники сразу окружили его и начали задавать вопросы. Администратор поднял ладонь, потребовал тишины и передал распоряжение Лаврентия. Им было достаточно узнать, что завтра двери откроются и кто-то снова скажет, что делать.

Холодовы оставались в храме. Лидия разговаривала с женщиной из епархии, Игорь стоял рядом и поглядывал в сторону митрополита. Тот подозвал келейника.

— Попроси Игоря Павловича задержаться.

Келейник выполнил распоряжение и отошел. Холодов приблизился к Лаврентию и поклонился. Лидия осталась возле колонны.

— Вы хотели меня видеть, Владыка?

— Сегодня после полуночи.

Игорь опустил голову.

— Все готово.

— Вы уверены?

— Да. Люди и документы подготовлены.

— Они знают, на кого работают?

— Нет. Они не знают ни нас, ни заказчика. После работы следов не останется.

Лаврентий посмотрел на Лидию. Она закончила разговор и ждала мужа возле выхода.

— Ваша жена поедет с вами?

- Да, Владыка.
- Не опаздывайте.
- Мы будем вовремя.

Холодов поклонился и вернулся к жене. Лидия выслушала его, взяла под руку и направилась к дверям.

Служители подняли гроб. При выносе певчие запели Трисвятое. Митрополит пропустил духовенство вперед и пошел за сыном к выходу из кафедрального собора.

Кладбище находилось на окраине Руднограда, за старой объездной дорогой. Катафалк остановился возле центральных ворот, дальше гроб понесли на руках. Впереди шел священник с кадилом, за ним служители несли крест и венки. Лаврентий держался сразу за гробом.

Узкая дорожка закончилась возле семейного участка. Могилу подготовили рядом с матерью Вацлава, умершей, когда сыну было одиннадцать. Ее памятник почти полностью закрывали принесенные венки.

Люди окружили участок, оставив проход для тех, кто нес гроб. Митрополит посмотрел на фотографию жены и перевел взгляд на место, куда должны были положить сына. Служители установили его возле могилы. Священник встал у изголовья и начал литию. Певчих из кафедрального собора на кладбище приехало немного. Они отвечали негромко, без сопровождения, и голоса далеко разносились между рядами могил.

Лаврентий слушал знакомые слова, глядя на крышку гроба. Имя сына звучало в молитвах рядом с просьбами о прощении прегрешений. Вацлав не просил прощения даже у отца. До последнего считал, что имеет право на все, к чему сумеет протянуть руку.

Сотрудники «Собора» стояли плотной группой. Женщина с кухни опять плакала, прижимая платок ко рту. Администратор поддерживал ее под локоть и сам несколько раз вытирал лицо. Охранники держались сзади и следили, чтобы посторонние не подходили к Владыке.

Холодовы остановились ближе к дороге. Лидия Аркадьевна была в темном пальто и платке, Игорь Павлович стоял рядом с непокрытой головой. Он не смотрел на митрополита и ни разу не подошел к нему после разговора в храме.

Священник закончил литию. Гроб подняли и осторожно перенесли к могиле. Веревки пропустили под ним заранее, служители взялись за концы и начали опускать.

Лаврентий видел только темную крышку. Она уходила все ниже, пока гроб не лег на дно. Веревки вытянули и свернули. Священник бросил землю первым, а затем горсть земли бросил отец. Она ударила по крышке гроба. Дальше люди подходили по очереди. Женщина с кухни едва удержалась на ногах, когда снизу раздался очередной глухой стук.

Работники кладбища дождались, пока простятся все, и начали лопатами засыпать могилу. Большинство людей отошло к дорожке. Сотрудники «Собора» продолжали стоять рядом, пока земля полностью не скрыла гроб.

Администратор подошел к Лаврентию.

- Может, вам лучше подождать в машине, Владыка? Здесь надолго.
- Знаю. Я останусь.

Мужчина поклонился и вернулся к остальным. Лаврентий не собирался уезжать прежде, чем могила будет закончена. Слишком многие видели открытый гроб в кафедральном соборе. Теперь они должны были увидеть и погребение.

Землю утрамбовали и выровняли. В ногах установили крест, на могилу уложили венки и цветы. Работник поправил фотографию Вацлава, прислоненную к кресту, и отошел, давая родственникам проститься.

Священник снова прочитал молитву. Люди перекрестились. Несколько человек подошли к Лаврентию с соболезнованиями, остальные направились к выходу.

Сотрудники «Собора» уходили последними. Администратор собирал их возле ворот и напоминал о завтрашних дежурствах. Охранники задержались возле дорожки, пока келейник не сказал, что митрополиту сопровождение не требуется.

Холодовы дождались, когда вокруг могилы останутся только Лаврентий, священник и келейник. Игорь Павлович посмотрел на крест, затем на митрополита. Лаврентий направился к дороге, не обращаясь к нему.

Возле катафалка уже стояла машина епархии. Келейник открыл заднюю дверь.

— В резиденцию, Владыка?

— Да.

Лаврентий сел и повернул голову к окну. Холодовы шли к своей машине. Игорь придержал жене дверь, обошел автомобиль и занял место за рулем.

Когда машина епархии выехала с кладбища, свежая могила еще была видна между деревьями. Возле нее никого не осталось.

К боковым воротам кладбища Холодовы подъехали без четверти двенадцать. Игорь заглушил двигатель и посмотрел на часы. Люди, которых он нанял, опаздывали.

— Если они не приедут, придется искать других, — сказала Лидия.

— За несколько часов?

— Ты предложил достаточно денег.

— Деньги получили эти.

Игорь вышел из машины. Вдоль ограды тянулась пустая дорога, за деревьями темнели кладбищенские постройки. Он дошел до ворот, проверил замок и вернулся.

Лидия сидела на пассажирском месте и просматривала документы. Их передали вместе с номером людей, которые соглашались выполнить работу. Имена в бумагах были вымышленными, печати и подписи — поддельными. Для случайной проверки этого хватило бы.

— Убери, — сказал Игорь. — Еще потеряешь.

— Я никогда ничего не теряю.

— Они понадобятся в дороге.

— Поэтому лежат у меня, а не у тебя.

В конце дороги появились фары. Темный фургон остановился за машиной Холодовых. Из него вышли двое мужчин в рабочей одежде. Один нес свернутый брезент, второй достал из кузова лопаты и кейс с инструментами.

— Опоздали, — сказал Игорь.

— На пять минут, начальник. Тут ночью пробки страшные.

Напарник засмеялся и поставил инструменты возле ворот. Холодов поморщился. От обоих несло табаком. Но на кладбище они смотрели спокойно, работали не в первый раз.

— Заходим, делаем и уезжаем, — скомандовал Игорь Павлович. — Разговоров не будет.

— Пока платят, можем вообще не разговаривать. Остаток с собой?

— Получите после передачи.

Мужчина протянул ладонь.

— Бумаги.

Лидия Аркадьевна вышла из машины и подала ему папку. Тот включил фонарь, просмотрел несколько страниц и вернул.

— Если остановят, показываете это. Ничего больше не объясняете, — твердо сказала она.

— Не первый день живем.

Один из работников открыл боковые ворота. Игорь не спрашивал, откуда у него ключ. Фургон загнали на территорию кладбища и остановили возле хозяйственной постройки, чтобы не оставлять глубоких следов на узкой дорожке.

До семейного участка шли пешком. Работники несли инструменты и сложенные носилки, Лидия — фонарь и пустой чехол для тела. Игорь Павлович несколько раз оглянулся. Между могилами никого не было.

Венки полностью закрывали свежую землю. Мужчины сняли их и сложили вдоль ограды. Один раскачал и с трудом вытащил крест, второй начал копать. Работали они молча и без остановок, сбрасывая землю на расстеленный брезент.

Холодов стоял возле памятника матери Вацлава. Днем на этом месте находились десятки людей. Лаврентий смотрел, как засыпают могилу, и не уехал, пока землю не выровняли. Теперь его сын снова поднимется наверх.

— Фонарем ниже свети, — потребовал работник. — В лицо бьет.

Лидия направила луч в могилу. Лопата задела крышку гроба. Мужчины расширили яму, очистили дерево от земли и спустились вниз.

— Вскрываем? — спросил один.

— Для этого вас и позвали, — язвительно ответил Игорь.

Работник открыл кейс и достал аккумуляторный шуруповерт. Его напарник убрал землю с креплений и посветил фонарем. Несколько винтов поддались не сразу, но крышку удалось снять без повреждений.

Игорь Павлович не подошел. На отпевании он видел Вацлава среди цветов и не хотел снова смотреть на него здесь, в открытой могиле. Лидия Аркадьевна спустилась к мужчинам и откинула покрывало с лица.

— Он? — спросил ее муж.

— Он.

— Тогда доставайте, — кивнул он работникам.

Те разложили чехол возле гроба. Вацлава освободили от покрывала и подняли на носилки. Тело оказалось тяжелее, чем ожидал Холодов. Мужчинам пришлось остановиться возле края, перехватить ремни и только потом вытянуть его наверх. Лидия застегнула чехол до груди и проверила лицо. После этого закрыла молнию полностью.

— Икону куда? — спросил работник из могилы.

— Оставьте в гробу, — сказала она.

Погребальное покрывало расправили, сверху положили икону. Крышку вернули на место и закрепили теми же винтами. Мужчины выбрались из могилы и начали засыпать ее. Лидия осталась возле носилок. Игорь подошел к ней, но на чехол не посмотрел.

— Все нормально?

— Да. В холодильнике он пробыл недолго, после похорон прошло несколько часов. До передачи ничего не изменится.

— Я не об этом спрашивал.

— А о чем?

Он не ответил. Жена поправила край чехла и посмотрела, как мужчины возвращают землю в яму.

— Не начинай, Игорь. Ты сам согласился.

— Мне приказали.

— Значит, тем более.

Работники утрамбовали землю и поставили крест. Венки вернули на прежние места, поправили ленты и убрали рассыпавшиеся комья с дорожки. Со стороны могила выглядела практически так же, как днем.

— Готово, — сказал старший. — Теперь машина.

Они подняли носилки. У фургона пришлось освободить место между ящиками с инструментами. Тело уложили вдоль левой стены и закрепили ремнями. Лидия осмотрела кузов.

— Накройте брезентом.

— В чехле же.

— Накройте.

Мужчины выполнили требование. Старший закрыл двери и протянул Игорю руку.

— Рассчитывайся.

— После передачи.

— Мы свою часть сделали.

— Еще не сделали. Вы должны доставить тело туда, куда вам сказано.

Работник убрал руку.

— Черт с тобой. Тогда поехали. Только без новых условий на месте.

— Новых не будет.

Лидия вернулась к машине. Перед тем как сесть, открыла заднюю дверь и проверила сумку. Внутри лежали деньги и две бутылки водки. Одну она приготовила для работников. Муж наклонился к ней.

— Ты уверена?

— Да.

— Точно оба?

— Они будут пить из одной бутылки. Вторую оставим рядом.

— А если откажутся?

— Не откажутся. Ты их видел. Получат деньги и захотят отметить.

Она застегнула сумку и поставила себе под ноги. Работники закрыли ворота. Фургон выехал первым, машина Холодовых пристроилась сзади. Игорь дождался, пока кладбище скроется за поворотом, и набрал номер, который Лаврентий велел сохранить без имени.

— Мы закончили. Он у нас.

На другом конце ответили:

— Везите.

Фургон появился минут через тридцать после звонка. Лаврентий ждал возле машины, оставленной за бетонным ограждением. С дороги площадку не было видно, ближайшее здание стояло пустым.

Келейника он отпустил еще в резиденции. За руль сел сам и приехал на полчаса раньше назначенного времени. Отсюда предстояло возвращаться тремя машинами, и лишний человек только мешал.

Фургон остановился возле ограды. Следом въехали Холодовы. Игорь Павлович вышел первым и направился к митрополиту.

— Все сделано, Владыка.

— Покажите.

Двое работников открыли задние двери фургона. Чтобы добраться до тела, они выгрузили лопаты и кейс с инструментами. Один мужчина забрался в кузов, отстегнул ремни и сбросил на землю брезент, которым был накрыт чехол.

— Не здесь, — сказал Лаврентий.

Работник остановился.

— Вы же велели показать.

— Откройте лицо.

Мужчина стянул брезент и расстегнул чехол до груди. Свет из кузова упал на Вацлава. Несколько темных крошек земли прилипли к волосам.

Лаврентий смотрел на сына, которого несколько часов назад оставил в могиле рядом с матерью. Теперь тот лежал в чужом фургоне среди инструментов и пустых ящиков.

— Закройте.

Работник застегнул чехол.

— Значит, ваш. А то больно смазливый. Мы уж подумали, не невесту ли вам выкопали. Напарник заржал. Игорь резко повернулся к ним.

— Закрой пасть.

— Да ладно тебе. Покойник все равно не обидится.

Мужчины спрыгнули на землю и захлопнули двери. Старший вытер ладони о рабочие брюки.

— Теперь расчет. И разъезжаемся.

Лидия достала из машины сумку. Игорь забрал ее и подошел к работникам.

— Сначала ключи от фургона.

— В оплату машина не входила.

— Ее вернут.

— Кто?

— Не ваше дело.

Работник посмотрел на Лаврентия.

— Хорошо устроились. Сами руки не пачкают, потом еще машину отдай.

— Ты получишь все, о чем договаривались, — сказал Холодов.

— Получу. Только сначала деньги.

Игорь Павлович открыл сумку и передал ему конверт. Мужчина пересчитал купюры. Его напарник заглядывал через плечо и шевелил губами следом за ним.

Лидия стояла возле машины. В сумке осталась водка. Игорь должен был отдать ее после расчета и дожидаться, пока мужчины выпьют. Теперь он держал сумку в руке и не решался продолжить при митрополите.

Работник убрал деньги за пазуху.

— Ну вот, другое дело. Выпить за покойника дадите или самим покупать?

Лидия протянула руку к сумке. Муж не отдал ее.

— Забирайте свои инструменты, — сказал он.

— Сначала говорил, после работы нальешь. Обмануть решил?

— Я сказал — забирайте инструменты.

Мужчина посмотрел на напарника и усмехнулся.

— Зря нас вызвали. Одного покойника из земли достать не смогли, зато командуют оба.

Холодов шагнул к нему, но Лаврентий остановил:

— Не надо.

Работник повернулся к митрополиту.

— А вы чего молчите? Ваш заказ, ваши деньги. Или перед нами только на похоронах речь держать умеете?

Лаврентий смотрел на него. Эта пададь вскрыла могилу Вацлава, вытащила его из гроба, бросила среди грязных инструментов и теперь смеялась над ним. Сдохни, тварь. И второй следом.

Холод ударил в спину и прошел сквозь грудь. Лаврентий не успел вдохнуть. Металл фургона побелел, под ногами хрустнул промерзший щебень. Работник выронил конверт. Купюры рассыпались возле ботинок. Он схватился за горло, открыл рот и не смог произнести ни звука. Иней покрыл его волосы и лицо.

Напарник отступил к фургону. Ладонь примерзла к двери. Он дернул руку, закричал и осел на колени. Крик оборвался, когда мороз добрался до груди.

Игорь попятился. Сумка выпала из рук. Одна бутылка ударилась о землю, но не разбилась. Лидия прижалась к машине и смотрела на работников, не пытаясь к ним подойти. Через несколько секунд оба уже не двигались.

Холод начал отступать. Иней на кузове таял, капли стекали по металлу. Лаврентий поднял руку и увидел белый налет на перчатке. Он не произнес приказа, но захотел, чтобы мужчины умерли.

Игорь опустился на колени.

— Владыка...

Лидия перекрестилась. Губы зашевелились, но Лаврентий не расслышал слов.

— Встаньте, — приказал он.

Холодов не подчинился.

— Простите нас. Мы не знали, что вы сами...

— Встаньте.

Тот поднялся. Ноги не держали, пришлось ухватиться за открытую дверь машины. Лидия оставалась рядом и больше не смотрела на мертвых.

Митрополит подошел к первому работнику. Тот упал на бок, пальцы застыли возле горла. Кожа покрылась белыми пятнами, из открытого рта выходил пар.

Второй сидел у фургона, прислонившись к двери. Примерзшая ладонь осталась на металле.

Лаврентий перевел взгляд на свою руку. Белый налет исчезал с перчатки.

— Вы хотели их убить? — спросил он.

Игорь посмотрел на сумку.

— После передачи. Они должны были выпить.

Лидия нагнулась, подняла бутылку и прижала к себе.

— Никто не связал бы их смерть с нами, Владыка. Я все рассчитала.

— Избавьтесь от водки.

Она положила бутылку обратно в сумку.

— Что делать с ними?

Лаврентий посмотрел на тела. Если увезти их сейчас, придется искать другое место, избавляться от машины и оставлять новые следы. Люди приехали по поддельным документам и не знали имен заказчиков.

— Оставьте.

— Их найдут, — сказал Игорь.

— Поэтому вы не должны оставлять здесь ничего своего.

Холодовы собрали рассыпавшиеся деньги. Лидия проверила землю возле машины, подняла сумку и отнесла в салон. Игорь вытер ручки фургона и забрал ключи из кармана работника.

— Вы поведете фургон, — распорядился Лаврентий. — Ваша жена поедет следом.

— Куда везти тело?

— Я покажу.

Игорь Павлович открыл водительскую дверь. Сесть он смог не сразу, руки соскальзывали с руля. Лидия Аркадьевна остановилась возле Лаврентия.

— Это был Цальдо?

Он посмотрел на нее.

— Вам достаточно знать, кому вы служите.

Она опустила голову.

— Да, Владыка.

Машины выехали с площадки одна за другой. Замороженные тела остались возле ограды. Рядом лежали лопаты, кейс с инструментами и свернутый брезент.

Глава 2

Стася застегнула сумку и поставила ее возле тумбочки. Зарядное устройство пришлось вынуть и уложить заново: провод зацепился за молнию, а пальцы правой руки слушались плохо, стоило задеть повязку на ладони. Вещей набралось немного, почти все привезла Наталья Альбертовна, и теперь они лежали аккуратной стопкой рядом с больничной кроватью, на которой Стася провела последнюю неделю.

Кофту она надела со второй попытки. Когда ткань зацепилась за локоть, Стася подняла руку, перед глазами поплыло, и пришлось сесть, придерживаясь за край матраса. Врач утром сказал, что анализы пришли в норму, рана заживает и оставлять ее в отделении больше незачем, а потом перечислил ограничения, назначил таблетки и велел показаться хирургу на следующий день. Домой он отпускал ее только с сопровождающим.

Медсестра принесла выписку, положила листы на тумбочку и протянула ручку.

— Распишись здесь и внизу. Рекомендации врач объяснил или опять решил, что читать умеют все?

— Объяснил. Перевязка завтра, таблетки утром и вечером.

— Значит, сегодня слушала. Дома одна не остаешься, по лестницам не бегаешь и подвигов не совершаешь хотя бы до осмотра.

Стася поставила подпись и вернула ручку. Медсестра проверила повязку, заставила несколько раз согнуть пальцы и осталась довольна тем, что кровь не проступила.

— За тобой приедут?

— Наталья Альбертовна уже едет.

— Тогда сиди и жди ее. Если решишь сбежать сама, я тебя с первого этажа обратно принесу и привяжу к кровати.

Она собрала документы, вложила их в прозрачную папку и вышла, оставив дверь приоткрытой. В коридоре загрохотала тележка с посудой, кто-то позвал санитарку, потом голоса отдалились, и Стася снова услышала мерное гудение лампы над кроватью.

Она достала телефон и открыла переписку с Натальей. Сообщение было набрано еще утром: «Меня выписывают. Можете отвезти меня домой?» Оставалось нажать на стрелку, но слово «домой» мешало больше всего остального.

В квартире никто не ждал. Там можно было запереть дверь, закрыть шторы и не разговаривать, однако вместе с этим пришлось бы заснуть одной, а Стася пока не могла отделаться от страха, что утром снова узнает о сделанном ее руками от чужих людей. Она понимала, что Эстимар ушел, слышала это от Батькова и верила ему, но тело не спешило соглашаться с тем, что опасность закончилась. Иногда среди ночи она просыпалась и несколько минут лежала неподвижно, проверяя, может ли пошевелить пальцами, повернуть голову, поднять руку, а потом до рассвета не решалась закрыть глаза.

Пустота тоже пугала. Стася не знала, как можно скучать по тому, кого почти не помнила и чье присутствие обернулось смертями, но иногда ловила себя на попытке прислушаться к чему-то внутри. В ответ не происходило ничего, и облегчение каждый раз приходило вместе со стыдом.

Она стерла сообщение. Наталья написала, что поднимается в отделение, и Стася убрала телефон в карман, пока не успела придумать еще одну причину промолчать.

Морозова вошла через несколько минут, расстегивая пальто здоровой рукой. Она увидела собранную сумку, перевела взгляд на Стасю и закрыла за собой дверь.

— Все-таки отпустили. Я думала, продержат до завтра.

— Врач сказал, что незачем. Только одной пока нельзя.

— Выписку покажи.

Стася протянула папку. Наталья просмотрела назначения, задержалась на схеме приема таблеток и положила документы поверх сумки.

— Это купим по дороге. Остальное у меня есть.

Стася посмотрела на нее. Морозова уже сняла пальто и пыталась повесить его на спинку кровати, не тревожа раненую руку, поэтому просьба прозвучала легче, чем могла бы, если бы Наталья сидела напротив и ждала объяснений.

— Можно я пока у вас поживу?

Морозова поправила сползшее пальто и повернулась к ней.

— Можно. Сколько захочешь.

— Несколько дней. Потом я вернусь к себе, просто сейчас...

— Стася, я не прошу назвать дату отъезда.

Наталья сказала это буднично, без жалости, от которой хотелось спрятаться, и подошла к тумбочке. Она проверила, не осталось ли там лекарств или документов, заглянула в шкаф и сняла с крючка Стасину куртку.

— Мне нужно забрать одежду из квартиры, — сказала Стася. — Там недалеко, мы можем заехать.

— Сегодня обойдешься тем, что уже есть. Доедем, поедем и поменяем тебе повязку.

— Я неделю только лежу.

— У тебя хорошо получается. Еще день выдержишь.

Стася улыбнулась, а Наталья подала ей куртку и придержала воротник, пока она осторожно просовывала руку в рукав. После больничной одежды куртка показалась тяжелой, молния никак не попадала в замок, и Морозова забрала ее из пальцев.

— Сама, — сказала Стася и снова взялась за бегунок. — Мне надо привыкать.

— Привыкай. Я никуда не тороплюсь.

Когда молния наконец застегнулась, Стася села на кровать и положила ладони на колени. Наталья взяла телефон, чтобы вызвать машину, но девушка остановила ее прежде, чем та открыла приложение.

— Про Пелагею ничего?

Морозова опустила телефон.

— Пока нет.

— Понятно.

Другого ответа Стася и не ждала. Наталья не стала обещать, что Пелагею найдут, не предложила ей думать о хорошем и не начала заново перечислять то, что уже сделали следователи. Она выбрала адрес, посмотрела время подачи и села на соседнюю кровать.

— Двадцать минут. Если голова закружится, скажешь до того, как окажешься на полу.

— Скажу, — пообещала Стася и удобнее устроилась на кровати.

В дверь постучали. Морозова повернула голову, но вошедшего Стася увидела раньше и невольно выпрямилась.

Батьков понял, что приехал зря, еще возле больничного поста. Кривову выписывали, за ней наверняка уже приехала Морозова, никакой помощи от него не требовалось, а проверить состояние свидетельницы можно было одним звонком. Именно это он и сказал бы любому, кто решил бы спросить, зачем старший опер среди рабочего дня бросил на столе недочитанный рапорт и рванул через весь город.

Нормального ответа у него не было. С самого утра что-то мешало сосредоточиться, раздражали разговоры за стеной, телефонные звонки и даже Хлыстов, оставивший кружку возле папок. Стас дважды принимался за один рапорт, потом вспомнил, что сегодня Кривову могут выписать, и уже через несколько минут оказался в машине. По дороге он успел придумать служебную причину, признать ее полной ерундой и все равно не повернул обратно.

Дверь третьей палаты была приоткрыта. Стася сидела на кровати в куртке, рядом стояла собранная сумка, а Морозова держала телефон и, судя по открытому приложению, ждала такси.

Майор постучал по косяку и остановился на пороге.

— Добрый день. Я не помешал?

— Уже нет, — ответила Наталья и убрала телефон. — Еще минут пять назад могли бы попасть на сборы, а теперь свидетельница одета и почти готова покинуть место содержания.

— Меня выписали, — сказала Стася. Она разжала пальцы на ремне сумки и положила обе ладони на колени. — Все официально.

— Тогда поздравляю. Как себя чувствуете?

— Нормально. Иногда голова кружится, но врач знает.

— Хорошо, что знает, — произнес Батьков и вошел в палату. Остаться у двери было глупо, уходить сразу еще глупее, поэтому он снял куртку, перекинул ее через руку и посмотрел на криминалиста. — Домой собираетесь?

— Ко мне, — ответила она. — Стася пока поживет у меня.

Он перевел взгляд на девушку. Спрашивать, почему она не захотела возвращаться в свою квартиру, не имело смысла: после Кельи он и сам не отправил бы ее туда одну, однако теперь это решала Кривова, и Морозова не позволила бы никому поступить иначе.

— Я сама попросила, — добавила девушка.

— Понял. У Натальи Альбертовны вам будет спокойнее.

Морозова ничего не сказала, только посмотрела на него внимательнее обычного. Стас приготовился услышать вопрос, каким ветром его занесло в больницу, но она поправила ремень сумки на плече и повернулась к Станиславе.

— Машина будет через восемнадцать минут. Можем подождать здесь или спуститься в холл.

— Лучше здесь, — вмешался Батьков. — Внизу сейчас полно народу.

— Значит, здесь, — согласилась Наталья и села возле окна. Она не спросила, откуда он знает, что происходит в холле, хотя Батьков прошел через него несколько минут назад и уже успел пожалеть, что сказал лишнее.

Стася подвинулась, освобождая место на кровати. Он сел с краю и положил куртку рядом, стараясь не думать о том, что теперь все трое будут ждать такси, а он по-прежнему не понимает, зачем приехал.

— Врач много назначил? — спросил он.

— Таблетки, перевязки и не совершать подвигов, — ответила Стася. — Медсестра обещала привязать меня к кровати, если уйду одна.

— Хорошая женщина. Ответственная.

— Вы бы с ней договорились.

— Я подумаю над этим. Вдруг еще пригодится.

Станислава улыбнулась и опустила голову, но улыбка осталась. Когда майор вошел, она сидела прямо, подняв плечи, и держалась за ремень сумки так, что побелели пальцы, а теперь откинулась к стене и осторожно вытянула ноги. Он заметил это и отвел взгляд, потому что вместе с облегчением пришло странное, слишком личное удовлетворение, которому здесь было не место.

Наталья проверила время подачи машины.

— Еще пятнадцать минут. Водитель пока не двигается.

— Я могу вас отвезти, — предложил Батьков. Слова вырвались раньше, чем он успел решить, стоило ли вмешиваться, поэтому он добавил уже Стасе. — Если вам так будет удобнее. Машина у входа, но такси отменять не обязательно.

Наталя посмотрела на него и едва заметно приподняла брови. Батьков ждал замечания о том, что управление находится в другой стороне, однако она лишь повернула телефон экраном к Стасе.

— Решай. Можем ехать на такси, можем со Станиславом Михайловичем.

Та посмотрела ему в глаза.

— Вы из-за нас не опоздаете?

— Куда?

— На работу.

— Я уже там был. Без меня пока справятся.

— Тогда лучше с вами, если можно.

— Можно, — ответил он и поднялся с кровати. — Только не торопитесь. Машина никуда не денется.

Морозова отменила заказ и убрала телефон в карман, не сказав ему ни слова о внезапно появившемся свободном времени. Станислав был ей за это благодарен: она наверняка заметила и его нелепый приезд, и поспешное предложение, но не собиралась обсуждать их при Стасе или заставлять его оправдываться.

Девушка потянулась за сумкой. Батьков опередил ее, взял сумку с пола и сразу почувствовал, что внутри почти ничего нет.

— Она легкая, — предупредила та. — Я сама донесу.

— Верю. Но раз уж я приехал, должна же от меня быть хоть какая-нибудь польза.

— А вы без пользы не можете?

Вопрос застал его врасплох. Стася смотрела без насмешки, ожидая ответа, а Морозова застегивала пальто и старательно не вмешивалась.

— Плохо получается, — признался Батьков. — Привычка.

— Тогда несите. Мне сегодня спорить тоже запретили.

Он усмехнулся и повесил сумку на плечо. Стася поднялась с кровати, немного постояла, проверяя, не закружилась ли голова, и только после этого сделала шаг к двери.

Он поборол желание предложить ей руку и пошел рядом, подстраиваясь под ее шаг, а Наталя держалась с другой стороны и рассказывала, что дома все равно придется поесть, даже если больничная каша окончательно отвратила Стасю от еды. Девушка отвечала ей, иногда оборачивалась к Батькову и больше не стискивала раненую ладонь.

Зачем он приехал, яснее не стало. Однако возвращаться в управление теперь можно было лишь после того, как он сам довезет их до дома и увидит, что она поднялась в квартиру, а признаться себе, почему это вдруг оказалось важным, он пока не собирался.

До дома Морозовой доехали почти без разговоров. Наталя сидела рядом с Батьковым, а Стася устроилась сзади и за всю поездку несколько раз поменяла положение, стараясь не задеть раненую ладонь.

Возле подъезда Стас достал сумку из машины и пошел следом за женщинами. Проводить их до двери казалось естественным продолжением предложения подвезти, но на нужном этаже он уже не мог объяснить себе, зачем вошел в квартиру, разулся и поставил сумку возле тумбы, вместо того чтобы попрощаться и вернуться в управление.

— Чай будете? Или кофе? — спросила Наталя, снимая пальто. — Или поесть? Стасе все равно пора, одной рукой я справлюсь медленно, а с вашей помощью мы, возможно, успеем до вечера.

— Есть не буду, — отказался он и посмотрел на Стасю, которая присела на банкетку, чтобы растянуть ботинки. — А кофе можно.

— Тогда проходите. Стася, руки мыть и за стол, обсуждать здесь нечего.

Она послушалась без возражений, а Батьков отнес ее сумку в комнату, на которую указала Морозова. Квартира была небольшой и слишком тихой для троих людей, мало знакомых друг

с другом вне работы, больницы и всего, что произошло в Келье. Вернувшись на кухню, он сел за стол и сразу пожалел, что согласился на чай: уйти через несколько минут теперь было невежливо, а причины оставаться у него по-прежнему не появилось.

Наталья поставила перед Стасей тарелку, достала чашки и наполнила чайник.

— Крепкий?

— Да, — ответил майор, убрал телефон со стола, чтобы освободить место, и добавил. — Без сахара.

— Я помню. Вы его пьете так, словно он тоже проходит по делу и может дать признательные показания.

— Иногда дает. Если достаточно крепкий.

Морозова попыталась заполнить неловкое молчание и рассказала, что кофе утром привез Горский вместе с двумя пакетами продуктов, хотя она несколько раз повторила, что справится сама. Покупал он все самое дорогое и хорошее, но количество рассчитал так, словно Наталья собиралась кормить целый отдел, поэтому теперь запасов хватит надолго. Батьков поддержал разговор несколькими замечаниями, а Стася ела понемногу и молчала, опустив голову над тарелкой.

Когда Наталья поставила перед ним чашку и села напротив, говорить стало не о чем. Стас сделал глоток, Стася отломилась маленький кусок хлеба, а Морозова посмотрела на них обоих и спросила, не слишком ли жарко на кухне.

— Нормально, — ответила девушка, подняла голову и посмотрела на майора. — Вам чай нравится?

— Нравится. Горский не ошибся в выборе. Надо будет ему сообщить. А то он тяжело переживает непризнанные заслуги.

И снова все замолчали. Морозова спросила Стасю, удобно ли ей будет в комнате и не нужно ли перестелить постель, потом поинтересовалась у Батькова, долго ли он сегодня собирается работать. Тот ответил, что пока не знает, и поймал себя на том, что не торопится допивать кофе, хотя уже несколько минут назад мог поставить чашку и уйти.

Телефон зазвонил, когда Стася доела половину. На экране появилось имя Горского, и Стас сразу ответил, продолжая держать чашку в руке.

— Слушаю. Что случилось?

— Два трупа на закрытой площадке за бетонным ограждением, — сообщил Добрыня. — Вроде работали на кладбище, где Яропольцева похоронили.

Стас поставил чашку на стол. Морозова заметила его движение и перестала убирать посуду, а Стася подняла голову.

— Когда обнаружили?

— Минут двадцать назад. Дежурные уже там, Хлыст с Вихрем едут, я на месте.

— Причина смерти известна?

— Пока нет. Стас Михалыч, они ночью были на кладбище. Камера на въезде засняла фургон, потом он уехал вместе с ними.

— Что они там делали?

— Никаких официальных работ не было. Я сейчас туда поеду и хочу проверить могилу Яропольцева.

Батьков поднялся из-за стола и отошел к окну. Стася следила за ним, забыв о еде, поэтому он повернулся к ней спиной и понизил голос.

— Почему именно ее?

— Не знаю, — раздраженно ответил Горский. — Два замороженных трупа, работающих возле участка Яропольцева. Я еще не видел могилу, но проверить надо.

— Сначала закончи осмотр площадки. Я сейчас буду.

— Сам знаю. Ты давай быстрее.

— Что с Вацлавом? — спросила Стася за спиной Батькова. Стул задел ножкой пол, когда она попыталась подняться. — Почему они говорят о его могиле?

Горский замолчал, а Морозова подошла к Стасе и усадила ее обратно.

— Сиди, тебе нельзя сейчас вскакивать. Станислав Михайлович, скажите ей, что известно.

— Это Наташа? — рявкнул Добрыня так громко, что Батьков отнял телефон от уха. — Батя, какого хрена ты у нее дома делаешь?

— Не сейчас, Горский.

— А когда? Ты среди рабочего дня сидишь у Морозовой, пока я один торчу возле двух трупов, и предлагаешь обсудить это потом?

— Я не одна, — сказала Наталья достаточно громко, чтобы он услышал. — Здесь Стася, ее сегодня выписали.

— А он там зачем?

— Горский, займись местом преступления, — отрезал Батьков. — Я выезжаю.

Он закончил разговор прежде, чем Добрыня успел продолжить, и обернулся. Стася сидела за столом, прижав раненую руку к животу, а Наталья стояла возле нее и придерживала за плечо.

— Что там произошло? — спросила девушка. — С могилой что-то сделали?

— На закрытой площадке нашли двух погибших мужчин, — сказал Батьков. — Один из них работал на кладбище, где похоронен Яропольцев. Ночью они приезжали туда без официального разрешения, поэтому Горский хочет проверить могилу.

— Почему именно его могилу? Он что-то увидел?

— Пока сам не знает. На месте разберемся.

Стася посмотрела на Морозову и снова на Батькова. Ее пальцы вцепились в край кофты, дыхание стало неровным, а по тому, как она несколько раз оглянулась на дверь кухни, Стас понял, о чем она думает.

— Вацлав ведь мертв? — спросила она. — Он не мог...

— Не мог, — сказал майор и подошел ближе. — Яропольцев умер. Что бы ни происходило на кладбище, он не вернется.

— Но Горский что-то почувствовал возле его могилы.

— Он много чего чувствует и половину объясняет уже после того, как доведет всех до бешенства, — вмешалась Морозова, налила воды, подала Стасе стакан и села рядом. — Сейчас известно только о погибших рабочих. Остальное они проверят.

Станислава взяла стакан обеими руками, но пить не стала. Батьков хотел коснуться ее плеча или хотя бы сесть рядом, однако не знал, имеет ли право, поэтому остался возле стола и заставил себя говорить без обещаний, которых не мог выполнить.

— Я поеду туда и выясню, что Горский увидел. Пока причин думать, что с захоронением что-то случилось, нет.

— Вам уже пора, — сказала Морозова, когда Стася сделала несколько глотков. — Горский на месте один и теперь наверняка злитесь сразу на кладбище, трупы и вас.

Стас словно вспомнил, что его действительно ждут. Он взял куртку со спинки стула и надел ее, продолжая смотреть на Стасю.

— Если станет хуже, звоните. Наталья Альбертовна знает мой номер.

— Станислав Михайлович, вы мне потом сообщите? — спросила девушка и поставила стакан на стол. — Когда поймете, что там произошло.

Просьба застала его возле двери кухни. Он поправил воротник куртки, выиграв несколько мгновений, хотя ответ знал сразу.

— Сообщу. Даже если закончим поздно.

— Я все равно теперь не усну.

Морозова проводила его до прихожей и открыла дверь. Уже на площадке Батьков услышал, как она вернулась на кухню и снова заговорила со Стасей, отвлекая ее от кладбища и могилы Яропольцева.

Он спустился по лестнице, набирая лейтенанта. До машины он дошел почти бегом. Горский прислал адрес и фотографию могилы: свежая земля лежала ровно, венки стояли там, где их оставили после похорон, а по снимку нельзя было понять, что именно заставило Добрыню обратить на нее внимание.

Он завел двигатель и выехал со двора. Нужно было выяснить, отчего умерли работники, проверить, что они делали возле участка Яропольцева, и понять, что увидел Горский под нетронутыми венками и ровным слоем земли, однако мысли снова возвращались к квартире Морозовой, испуганному вопросу Стаси и обещанию позвонить, которое теперь имело для него слишком большое значение.

Глава 3

Площадка находилась за бетонным ограждением в стороне от дороги. Патрульная машина стояла у открытых ворот, еще одна перекрывала въезд, а возле пустующего здания работала дежурная группа. Горский показал удостоверение сотруднику у ленты и прошел внутрь.

Хлыстов ждал возле бетонной стены. У его ног лежали лопаты, закрытый кейс с инструментами и свернутый брезент, который пока никто не разворачивал.

— Одного установили, — сказал он. — Семен Корчагин, работает на кладбище. Второй — Виктор Шведов, официально там не числится, но подрабатывает вместе с ним. Родственников уже ищут.

— Кто их нашел?

— Охранник соседнего склада. Увидел открытые ворота и решил проверить, что здесь происходит. Машин к тому времени уже не было.

— Камеры?

— На этой площадке нет. С дороги въезд тоже не просматривается.

Первый мужчина лежал на боку недалеко от ограды. Пальцы застыли возле горла, рабочая куртка побелела на плечах и груди, а на волосах сохранился тонкий слой инея. На щебне вокруг тела лежали мелкие кристаллы, хотя утро было сырым и теплым для заморозков.

Шведова нашли в нескольких метрах. Он лежал возле бетонной стены, одна рука была вытянута вдоль тела, на ладони отсутствовал участок кожи. Эксперт уже отметил повреждение и теперь снимал белый налет с рукава рабочей куртки.

— Ожог? — спросил Горский. — Или содрал обо что-то?

— Пока не скажу, — ответил эксперт. — Похоже, ладонь примерзла к металлу, а потом руку оторвали или она освободилась, когда лед растаял. На месте определять причину смерти тоже не буду.

— Следы машин есть?

— Стояли три. Две легковые и фургон. Все уехали.

Добрыня присел возле тела Корчагина. Ранений на открытых участках кожи не было, следов борьбы рядом тоже не нашли, а одежда промерзла отдельными пятнами. Мужчина умер там, где лежал: щебень под ним сохранял белый налет, который постепенно превращался в воду.

Вихров подошел от ворот и протянул Горскому телефон.

— Запись с кладбища. Начальник сначала говорил, что камера ночью не работала, но регистратор сохранил все.

На экране темный фургон остановился перед боковыми воротами. Из него вышли двое мужчин, один открыл замок своим ключом, после чего машина въехала на территорию. Следом прошел легковой автомобиль, но рассмотреть людей в салоне камера не позволяла. Примерно через час фургон выехал первым, легковая машина двигалась за ним.

— Чья машина? — спросил Горский. — Номер читается?

— Читается. Я уже отправил на проверку, — ответил Вихров. — На фургоне номера залеплены грязью, водителя не видно.

Его телефон завибрировал. Вихров открыл сообщение и показал экран Горскому.

— Автомобиль зарегистрирован на Холодова Игоря Павловича.

— Холодов? — Добрыня снова посмотрел на запись. — А ему какого хрена понадобилось ночью ездить на кладбище?

— Спросим, когда найдем. Пока известно только, что его машина въехала следом за фургоном и уехала вместе с ним.

— Во сколько они выехали?

— Около половины второго. От кладбища до этой площадки минут тридцать.

Хлыстов ногой указал на оставшиеся возле ограды предметы.

— Лопаты, инструмент и брезент привезли они. На всем кладбищенская земля. Фургон здесь разгружали, потом увезли вместе с тем, что находилось внутри.

— Откуда знаешь, что внутри что-то было?

— Следы на щебне. Тяжелое вытаскивали из кузова или собирались вытаскивать, потом передумали. И брезент сбросили возле дверей.

Горский посмотрел на пустое место между телами. Картина пока не складывалась полностью, но мужчины ночью вошли на кладбище с лопатами и инструментами, затем приехали сюда, выгрузили все из фургона и погибли от холода, которого здесь не могло быть.

— Никаких документов при них? — спросил он. — Денег, ключей, телефонов?

— Телефоны нашли. Ключей нет, кошельки почти пустые, документы настоящие. Следов ограбления тоже нет: часы, кольцо и банковские карты остались.

— Значит, тот, кто уехал на фургоне, забрал ключи и расчет.

— Если им вообще успели заплатить, — заметил Вихров. — Рядом денег не нашли.

Добрыня встал и обошел площадку. Возле дальнего края сохранились следы шин, несколько отпечатков обуви и белые пятна на щебне. Никакой могилы здесь не было, но само место утверждало, что мужчины привезли сюда нечто, ради чего их отправляли на кладбище среди ночи.

— Едем туда, — решил Горский. — Эксперты здесь закончат без нас, а эти двое уже ничего не расскажут.

— Батя велел ждать, — напомнил Хлыстов.

— Он догонит.

До кладбища добрались за полчаса. Возле административного здания Горский показал удостоверение начальнику, потребовал закрыть боковые ворота и приказал никого не выпускать без проверки. Тот попытался возмущаться, но Вихров отвел его в кабинет и занялся журналами доступа.

Добрыня прошел к свежей части кладбища. Фургон явно оставляли возле хозяйственной постройки, дальше работали пешком. Прошедший ночью дождь уничтожил большую часть отпечатков, однако на дорожке попадались комья влажной земли, а возле дальнего ряда Горский увидел несколько вдавленных следов от носилок.

Могила Яропольцева находилась за двумя рядами оград. Венки полностью закрывали свежую землю, крест стоял ровно, ленты лежали аккуратно. Если бы Горский не видел запись с фургоном и инструменты возле мертвых работников, подозревать это захоронение не было причин.

Он остановился возле ограды. На кладбище за последние дни появилось несколько свежих могил, а Корчагин мог получить заказ на любую из них, однако остальные не вызывали в нем ничего. От участка Яропольцева хотелось отойти и одновременно снять венки, добраться до земли и проверить то, что она скрывала.

Хлыстов с Вихровым подошли сзади. Добрыня обошел могилу и присел возле гранитной плиты, не касаясь земли.

— Почему эта? — спросил Андрей. — Здесь десяток свежих захоронений.

— Не знаю.

— Прекрасно. Очень следственный подход.

Горский положил ладонь на край могилы. Никакого видения не появилось, чужой голос не назвал имя, но в ту же минуту он понял: под аккуратной землей лежит пустой гроб.

Он убрал руку и выпрямился. Вацлав находился здесь после похорон, а ночью Корчагин со Шведовым открыли могилу, вынесли его и увезли на фургоне.

— Тела нет, — сказал Добрыня. — Могилу вскрывали и закопали обратно. Хлыстов посмотрел на венки.

— Ты увидел след?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Знаю.

Игорь присел возле дорожки и указал на темное пятно возле ограды.

— Земля такая же, как на лопатах. Но здесь она вся подобная, да и после дождя экспертиза может ничего не дать.

— Она и не нужна, чтобы понять, что Яропольцева там нет.

— Для нас не нужна, — сказал Андрей. — Для эксгумации понадобится что-нибудь убедительнее твоего ясновидения.

Горский достал телефон.

— Позвоню Волковой. Если пошлет, будем думать дальше.

Она ответила после второго гудка. На заднем плане слышались голоса и звон другого телефона, поэтому Добрыня сразу перешел к делу.

— Варвара Николаевна, вы в управлении?

— Пока да. Что у тебя?

— Нужно приехать на кладбище.

— Батьков уже едет. Тебе его мало?

— Здесь двое погибших и могила Яропольцева.

— О погибших мне доложили. Что с могилой?

Горский посмотрел на венки, скрывавшие землю.

— Она пустая.

На другом конце отключился посторонний шум, словно Волкова закрыла дверь кабинета. Когда она заговорила снова, голос остался прежним.

— Вскрывали?

— Нет.

— Тогда объясни, откуда ты это взял.

— Не могу. Могила выглядит нормально, следов почти нет, но Яропольцева там нет.

— Почти нет или совсем нет?

— На записи видно, как двое мужиков ночью входят на кладбище с инструментами, а потом возвращаются с носилками и чехлом. Холодов походу был с ними. Этого мало для законной эксгумации, поэтому я звоню вам.

— Ничего не трогайте. Я буду через полчаса.

— Варвара Николаевна, здесь народ собирается.

— Горский, я сказала: ничего не трогайте. Периметр расширьте и найдите начальника кладбища, пока он не успел все забыть.

Она закончила вызов. Добрыня убрал телефон и поймал вопросительный взгляд Хлыстова.

— Едет, — сообщил он. — Велела ничего не трогать.

— Какая неожиданность. А я уже думал, сейчас прикажет выдать нам лопаты и благословение.

Вихров посмотрел в сторону въезда, где между рядами показалась машина Батькова.

— Лопаты найдем сами. С благословением сложнее.

Батьков увидел Горского возле могилы Яропольцева сразу, хотя от стоянки до свежей части кладбища оставалось почти двести метров. Добрыня стоял у ограды и следил за акку-

ратно уложенными венками, Хлыстов разговаривал с работником кладбища, а Вихров просматривал записи в телефоне.

Тела остались на площадке за бетонным ограждением вместе с дежурной группой. За время дороги Вихров успел переслать Батькову о темном фургоне с записи кладбищенской камеры, который уехал отсюда первым, а следом за ним — машина, зарегистрированная на Игоря Холодова. До площадки обе должны были добраться примерно ко времени смерти работников.

Горский ждал за лентой. Выглядел он лучше, чем звучал по телефону, и пока не пытался сам открыть гроб, хотя по тому, как он держался возле участка, майор понял, что распоряжение Волковой удержало его с трудом.

— Ну? — Батьков остановился рядом с Горским и посмотрел на могилу. — Что у вас тут?

— На площадке два трупа, Корчагин и Шведов. Первый работал на кладбище, второй ходил с ним на подработки. Замерзли насмерть, хотя на улице тепло. Фургон ушел, ключей при них нет, денег тоже. Телефоны оставили, но один успел сказать жене только про срочную работу.

— Значит, расчет забрали вместе с машиной. Или платить не собирались. Камеры что дали?

— Ночью Корчагин открыл боковые ворота своим ключом, — ответил Вихров. — Фургон зашел первым, за ним легковая. Зарегистрирована на Игоря Холодова. Примерно через час выехали в том же порядке. У фургона задняя часть просела, в кузове везли что-то тяжелое.

Батьков перевел взгляд на Горского.

— И тебя после этого потянуло сюда?

— Ага. Подошел к могиле и понял, что Яропольцева в ней нет.

— Понял или увидел?

— Ни хрена я не увидел, Стас Михалыч. Могила как могила: венки лежат, крест стоит, землю после дождя смыло. Только гроб под ней пустой.

— Следы хоть какие-нибудь остались?

— На дорожке земля, похожая на ту, что нашли на лопатах, и вмятины от носилок. К экспертизе это не пришьешь, прямых следов вскрытия нет.

— А уверенность есть.

— Полная.

Майор посмотрел на аккуратный холм. Еще недавно слова Горского о пустом гробе можно было списать на недосып или упрямство, теперь Станислав слишком хорошо знал, что необъяснимое не перестает быть настоящим только потому, что его нечем подтвердить.

— Воеводе звонил?

— Едет. Велела могилу не трогать.

— Тогда дождемся. Все равно без нее здесь сейчас только лопатами махать и погоны заранее снимать.

— Лопаты мы уже нашли, — сказал Горский. — С погонами пока решили не торопиться.

Пока ждали Волкову, Батьков вместе с Горским просмотрел запись с камеры полностью. Работники открыли боковые ворота, потом въехал фургон и легковушка. Через час убитые вернулись к фургону с носилками, на которых лежал длинный закрытый чехол. Рядом шли мужчина и женщина, но камера снимала их издали и сбоку: лиц было не разобрать.

— Мужик может быть Холодовым, — сказал Батьков. — Машина его, рост и телосложение совпадают. Женщину по этой записи не опознаем.

— Зато видно, что вынесли что-то в человеческий рост, — отозвался Горский.

— Осталось доказать, что Яропольцева.

— Если гроб пустой, докажем. Если он внутри, придется выяснять, что увезли с кладбища и кто находился в машине Холодова.

Вихров принес журнал доступа и сообщил, что официальных работ после шести вечера не проводилось. Начальник кладбища отрицал подработки Корчагина, но Горский сразу почувствовал ложь и не стал тратить время на длинный допрос.

— Он покрывал работы за наличные, — сообщил Добрыня. — Про этот заказ, видимо, не знал. Корчагин получил его напрямую и воспользовался своим ключом.

— Кто мог дать номер работника людям из машины Холодова?

— Половина города, если тот давно этим занимался. Телефоны проверим, но заказчик мог звонить с чужого номера.

Батьков посмотрел на могилу. Теперь оснований подозревать вскрытие стало больше, однако законно открыть захоронение сына митрополита они все равно не могли без процедуры, которая займет время.

— Ты уверен, что внутри пусто? — спросил он. — Сейчас еще можно дождаться разрешения, которое не дадут.

— Вот именно! А пока мы будем ждать, фургон уничтожат вместе со следами. Я уверен, Батя.

— Тогдаждемся Волкову. Это решение должны принять не только мы двое. Ты сейчас увереннее работаешь, в Келье тебе нужно было больше времени.

— Теперь ложь сразу лезет под кожу. Удобная вещь, если не считать желания врезать каждому второму.

— Сдерживайся. Нам еще нужны свидетели с целыми зубами.

— Батя, там нет тела. За то время, пока мы ждем, половина кладбища успеет разнести по городу, что полиция крутится возле Яропольцева. А старший...

— Я тебе верю. Поэтому мы и ждем Волкову, а не разрешение на эксгумацию.

Майор посмотрел на него. Добрыня не горячился и не пытался продавить решение громкостью, что само по себе значило немало. Он стоял напротив и ждал, уверенный в своем знании.

— Если мы сейчас вскроем могилу без разрешения и найдем тело, отвечать будешь не ты один. Хлыстов с Вихровым полезут следом, Волкова прикроет, а в итоге под удар попадут все.

— Поэтому я ей позвонил.

— Вот и дожись.

Лейтенант провел ладонью по волосам и отвернулся к административному зданию. Возле входа продолжали собираться работники кладбища, которых не пропускали к свежей части.

— Морозовой придется с этим разбираться, — сказал он. — Там холод, Стас Михалыч. Такой же неправильный, как все остальное.

— Она разберется.

— Я знаю.

Батьков не стал возвращаться к разговору. Горский тревожился о Морозовой и скрывал это все хуже, однако сейчас его больше занимал холод, оставшийся на одежде погибших и щебне.

Они вернулись к могиле. Андрей стоял возле ленты и не позволял двум работникам кладбища приблизиться к участку. Те возмущались, что им необходимо закончить подготовку соседнего захоронения, а родственники приедут через несколько часов.

— Значит, подготовите в другом месте, — сказал Хлыстов. — Здесь пока никто не работает.

— У нас разрешение, все оплачено. Вы не можете закрыть ряд из-за двух покойников!

— Могу еще административное здание закрыть, если мешать будете. Идите к начальнику, он сегодня особенно разговорчивый.

Работники ушли, переговариваясь между собой. Хлыстов дождался, пока они отойдут, и повернулся к Батькову.

— Волкова долго еще? Тут уже экскурсии начинаются.

— Скоро будет. Периметр расширьте до соседнего ряда и уберите отсюда всех, кто не относится к группе.

— Сделаем. А потом что?

— Потом Воевода скажет.

— Обожаю четкие планы.

Горский отошел к ограде и закурил. Он затянулся несколько раз, загасил почти целую сигарету и сразу полез за следующей, но Стас забрал пачку из его руки.

— Хватит. Ты после Кельи и так спал часа четыре.

— А ты теперь за моими сигаретами следишь?

— За твоей головой. Сигареты прилагаются.

— Я нормально соображаю.

— Тогда стой спокойно и жди Волкову.

Добрыня хотел возразить, но на дорожке показалась машина начальницы управления. Батьков вернул ему пачку и пошел к ленте.

Волкова увидела Батькова и Горского возле могилы еще из машины. Хлыстов разговаривал с сотрудником у дальнего ряда, Вихров стоял у ограды с блокнотом, а остальные люди находились за расширенным оцеплением. Станислав выполнил ее распоряжение буквально: участок Яропольцева никто не трогал, а Добрыня мерил шагами дорожку возле ограды.

Она прошла за ленту и остановилась возле Батькова.

— Тела увезли?

— Да. Морозова и Логинов предупреждены, результаты осмотра будут позже.

— Запись с кладбища сохранили? Оригинал уже изъяли?

— Да, — ответил Вихров. — На копии видны работники, носилки с чехлом, мужик и баба. Лиц не разобрать. Машина зарегистрирована на Холодова.

— Холодова?

— Ага.

— Телефоны погибших?

— Передали на исследование. Последние звонки и переписку поднимут сегодня.

— Значит, пока у нас ни хрена нет. Связь с Яропольцевым видит только Горский.

Волкова повернулась к нему. Он стоял ближе всех к могиле и смотрел на нее, словно от ответа зависело не только дальнейшее расследование.

— Рассказывай сам, — потребовала она. — Без пересказа Батькова и твоих обычных фокусов.

— В гробу нет Яропольцева.

— Откуда знаешь?

— Подошел к могиле и понял.

— Что увидел?

— Ничего.

— Услышал?

— Тоже ничего.

— Тогда что именно не так?

Добрыня нахмурился, подбирая слова.

— Место врет. Могила выглядит нетронутой, земля лежит правильно, венки не сдвинуты, но все это закрывает пустой гроб. Нет там Яропольцева.

— Ты видишь гроб через землю?

— Нет.

— След тела?

— Нет, Варвара Николаевна. Я не могу объяснить удобнее.

Она прошла к могиле и осмотрела ее со всех сторон. Видимых оснований для эксгумации действительно не находилось. Чтобы официально открыть могилу сына митрополита через несколько дней после публичных похорон, требовалось не ощущение Горского.

— Насколько уверен? — спросила она, возвращаясь. — Если сейчас выяснится, что тело на месте, последствия представляешь?

— Представляю.

— Я спрашивала не про последствия.

— Уверен полностью.

Волкова посмотрела на Батькова.

— Твое мнение?

— За последние недели он ошибался в мелочах, но в главном пока нет. Я ему верю.

— А если Яропольцев внутри?

— Будем отвечать все.

Хлыстов подошел ближе.

— Я тоже верю Горскому. Запишите, пока я не передумал и не уехал домой.

— Тебя никто не спрашивал, — сказала Воевода. — Вихров?

Капитан пожал плечами.

— Два трупа и носилки с чехлом. Даже без дара совпадений многовато.

— Законных оснований все равно нет.

— Поэтому официально мы ничего не предлагаем, — ответил Хлыстов. — Стоим, любимся венками и ждем, когда Яропольцев сам подаст заявление о пропаже тела.

Волкова отвернулась к могиле. Много лет назад Климов тоже стоял перед ней с уверенностью, которую не мог подтвердить ни документами, ни показаниями, только ощущениями. Тогда они еще работали вместе и спорили почти каждый день, потому что он считал правила инструментом, а она слишком хорошо знала цену нарушению.

Он пришел к ней после совещания, закрыл дверь кабинета и положил на стол ключ от опечатанного помещения.

— Варя, мне надо десять минут.

— Для чего?

— Лучше тебе не знать.

— Тогда положи ключ обратно.

Климов не убрал руку со стола. На пальцах оставались свежие ссадины, рубашка под кителем была измята, а несколько ночей без сна сделали его старше.

— Если я сейчас этого не сделаю, утром будет поздно.

— У тебя есть доказательства?

— Нет.

— Сотник разрешил?

— Нет...

Она знала, что должна забрать ключ, вызвать дежурного и остановить его, но открыла папку и сказала, что собирается работать ближайшие десять минут и не намерена следить, кто ходит по коридору.

Климов забрал ключ. Возле двери задержался и поблагодарил ее без привычной усмешки, а на следующее утро принес то, за чем ходил. Прав он оказался или им обоим повезло, Волкова так и не решила.

Сейчас Климова рядом не было. Перед ней стоял Горский — упрямый, невыспавшийся и еще не привыкший к тому, что его необъяснимое знание способно заставить других нарушить закон.

— Варвара Николаевна, — позвал он. — Я понимаю, чего прошу.

— Ни черта ты не понимаешь. Если ошибешься, митрополит уничтожит не только тебя.

— Не ошибусь.

— Все вы так говорите.

Волкова поморщилась. Решение было неправильным по всем правилам, которым она учила подчиненных, однако два человека уже погибли после ночной поездки на кладбище, а тот, кто увез фургон, получил время уничтожить оставшиеся следы.

— Могилу и дорожку зафиксировали? — спросила она у Вихрова. — Поверхность отсняли?

— Да. Следы возле ограды и землю на дорожке тоже сняли.

— Значит, снаружи больше ничего не трогаем.

Хлыстов посмотрел на нее с разочарованием.

— Руками копать предлагаете?

— Я ничего не предлагаю. Официальных оснований вскрывать захоронение нет, распоряжения я не давала и без постановления суда давать не собираюсь.

Горский не шевельнулся. Он ждал продолжения, а Волкова заставила себя не смотреть на свежую землю.

— Мне нужно проверить дальний проезд, — сказала она. — Батьков, пойдешь со мной. Хлыстов и Вихров еще раз осмотрят боковые ворота и дорожку от хозяйственной постройки. Горский останется здесь и проследит, чтобы никто посторонний не прошел за ленту.

— Варвара Николаевна, — начал Станислав, но она перебила его.

— Через сорок минут я вернусь. До этого времени никаких докладов принимать не буду, если только вы не найдете нечто действительно важное.

Андрей первым понял, что услышал, потер ладонью рот и кашлянул, скрывая улыбку.

— Дорожка длинная. Осмотр может затянуться.

— Уложите в сорок минут. Вихров, проконтролируй своего напарника, чтобы не потерялся.

— Постараюсь, — ответил тот. — Гарантировать не могу.

Добрыня смотрел на Волкову, и его обычная дерзость уступила серьезности.

— Варвара Николаевна, если тело там, мы все вернем как было.

— Я не желаю знать, о чем ты говоришь. Батьков, идем.

Она развернулась и направилась вдоль дорожки. Станислав догнал ее через несколько шагов, но заговорил только после того, как могила скрылась за рядом высоких памятников.

— Сорока минут им хватит?

— Если не будут языками чесать.

— Я мог остаться и помочь.

— Поэтому я тебя и увела.

Батьков посмотрел на нее.

— Хотите, чтобы они втроем отвечали?

— Хочу, чтобы Горский перестал ждать, пока ты подтвердишь каждое его решение. Он смотрящий, Стас. Если знает, что гроб пустой, должен действовать с этой уверенностью, а не доказывать тебе, что не свихнулся после Кельи.

— Он мне ничего не доказывает.

— Доказывает. Сам этого не замечает и все равно смотрит, поверил ты ему или еще нет. Пока ты рядом, он может спрятаться за твой опыт и потом решить, что без тебя не справился бы. Сегодня справится.

Они дошли до дальнего проезда, где возле забора стояли мусорные контейнеры и пустая тележка. Осматривать здесь было нечего, но Волкова прошла вдоль ограды, заглянула за хозяйственную постройку и только потом остановилась.

— А если ошибется? — спросил Батьков.

— Не ошибется.

— Вы даже не допускаете?

— Нет. Я верила ему еще тогда, когда он сам считал свое чутье удачными догадками. Сейчас Горский получил ответ, который нельзя проверить привычным способом, и обязан поверить себе на сто процентов. Иначе в следующий раз начнет сомневаться тогда, когда на это уже не будет времени.

Станислав посмотрел в сторону могилы, скрытой за памятниками.

— Поэтому вы оставили с ним Хлыстова и Вихрова.

— Они пойдут за ним, но решение за него не примут. Ты бы принял.

— Я старше.

— Ты старше по званию и опыту, а дело ведет Горский. Пора вам обоим это вспомнить.

Батьков принял замечание без спора. Добрыня давно перестал быть мальчишкой, которого приходилось вытаскивать из каждой драки и учить не лезть под удар, но рядом с ним Станислав по привычке первым оценивал опасность, выбирал, что делать дальше, и брал последствия на себя.

— Если гроб пустой, Яропольцева забрали этой ночью, — сказала Волкова. — Корчагин открыл ворота своим ключом, значит, о работе с ним договорились заранее. Кто нанял его и знал ли он, чью могилу придется вскрывать, выясним по телефону.

— Машина Холодова была рядом.

— Машина была. Кто находился за рулем, пока не знаем. Этого мало, чтобы назвать его Холодовым.

— Допустим, это он. На кой черт ему мертвый Яропольцев?

— Может, не ему.

— Думаете, тело понадобится снова?

— Хрен его знает. Надо копать.

Батьков остановился рядом с ней.

— Вы разрешили вскрыть могилу на основании знания Горского.

— Я запретила ее трогать и ушла осматривать проезд.

— Предварительно объяснив, когда вернетесь.

— Чтобы никто не бегал за мной с вопросами. Не путай формулировки.

Станислав усмехнулся, а Волкова посмотрела на часы. Прошло меньше десяти минут. Возвращаться было рано: Горскому нужно самому открыть гроб и увидеть, что он знал правду еще до того, как лопата коснулась крышки.

Возле могилы Горский дождался, когда полковник и Батьков скроются за памятниками, и перешагнул через ленту. Хлыстов с Вихровым направились к боковым воротам, сохраняя серьезные лица, а через несколько минут вернулись с лопатами из хозяйственного сарая.

— Нашли по дороге, — сообщил Андрей.

— В перчатках, — напомнил Вихров. — Иначе следов оставим до хрена.

Венки пришлось снять и перенести к соседней дорожке. Каждый был тяжелым после дождя, искусственные ветки цеплялись за одежду, а широкие ленты мешали взяться за каркас. Горский запомнил порядок и положение, чтобы потом вернуть все как лежало.

Свежая земля под венками отличалась от верхнего слоя. Люди, восстанавливавшие могилу ночью, разровняли поверхность, однако глубже грунт оставался рыхлым. Лопаты входили легко, и через несколько минут у всех промокли спины.

— Если он там, — сказал Хлыстов, отбрасывая очередную порцию земли. — Я увольняюсь до того, как Воевода вернется.

— Если он там, тебе не придется, — ответил Горский. — Нас уволят вместе.

— Тебя первого. Ты идейный вдохновитель.

— Больше копай, меньше болтай.

Игорь работал с другой стороны и следил, чтобы земля не осыпалась обратно.

— Еще сантиметров сорок. Потом осторожнее, крышку не заденьте.

— Опыт есть? — спросил Андрей. — Что-то ты подозрительно уверенно командуешь.

— Я уже был при эксгумации. Законной, представляешь?

— Выпендривается еще.

Горский почти не слышал их. С каждым снятым слоем уверенность не исчезала, хотя он надеялся именно на это. Если бы ощущение оказалось следствием бессонницы, пережитого в Келье или желания связать новую смерть с Вацлавом, оно должно было ослабнуть. Но пустота становилась яснее.

Лопата Вихрова коснулась дерева. Все трое остановились, расчистили края руками и освободили часть крышки. Гроб находился на прежней глубине, его не поднимали целиком, а значит, ночью работники добрались до него, открыли внутри могилы и снова засыпали.

— Крепления? — спросил Горский. — Крышку же фиксировали.

— Шурупы, — сказал Игорь. — С этой стороны новые следы на шлицах. Открывали инструментом.

Хлыстов выбрался наверх, принес из сарая отвертки и веревку. Работали уже молча: расчистили крышку по периметру, сняли крепления и продели веревку под ручки. Поднимать пришлось втроем, стоя по колено в земле. Крышка сдвинулась, зацепилась краем, потом подавалась и легла рядом.

Горский посмотрел внутрь. Погребальное покрывало лежало поверх светлой ткани, а на нем оставили икону, какие покойные держат во время отпевания. Тела в гробу не было.

Через несколько минут Вихров позвонил Батькову. Когда Волкова вернулась к участку, крышка лежала рядом с могилой, Хлыстов стоял внутри и освещал гроб фонарем, а Горский ждал возле креста.

— Ошибся? — спросила она, остановившись за лентой. — Отвечай сразу.

— Нет, Варвара Николаевна. Яропольцева там нет.

Она подошла к краю. Батьков встал рядом, заглянул в пустой гроб и выругался себе под нос.

Волкова опустилась на корточки, осмотрела погребальное покрывало, икону и крепления крышки, но прикасаться ни к чему не стала. Через несколько мгновений она поднялась и повернулась к Горскому.

— Теперь закапывайте.

— Варвара Николаевна, там могли остаться следы, — сказал Вихров.

— Могли. Только экспертов мы сюда не вызовем, потому что тогда придется объяснять, на каком основании вы вскрыли захоронение без решения суда. Крышку поставьте так, как она стояла, землю верните на место и венки разложите в прежнем порядке. Никто за оцеплением не должен узнать, что гроб пустой.

— А дальше что? — спросил Хлыстов. — Сделаем вид, что ничего не нашли?

— Для всех остальных вы ничего не нашли. Официально у нас два трупа работников кладбища, фургон с нечитаемыми номерами, машина Холодова и запись, на которой несут закрытый чехол. Этим и занимаетесь. Поднимайте звонки Корчагина и Шведова, ищите фургон, устанавливайте людей на записи и собирайте основания для эксгумации. Когда получим решение суда, откроем могилу еще раз и зафиксируем все по закону.

Горский посмотрел на пустой гроб.

— А если решение не дадут?

— Тогда будем искать Яропольцева, не сообщая никому, что его там нет. Теперь мы хотя бы знаем, что именно увезли с кладбища.

— И тот, кто его забрал, пока уверен, что могилу не проверяли, — добавил Батьков.

— Вот и не будем его разубеждать. Стас, займись фургоном. Горский, вместе с Вихровым подними камеры на ближайших дорогах и проверь телефоны погибших. Хлыстов останется здесь и поможет вернуть все как было.

Хлыстов спустился в могилу, Вихров взялся за другой край крышки, а Горский задержался возле гроба, запоминая то, что пока нельзя было ни внести в протокол, ни произнести за пределами их группы.

Глава 4

Батьков закрыл дверь кабинета, положил на стол папку с материалами и отодвинул стул Горского, чтобы пройти к своему месту. После кладбища все успели переодеться, но землю из управления принесли на ботинках, и теперь она подсыхала темными комьями возле порога. Хлыстов попытался убрать их носком под шкаф, Вихров молча придвинул к нему мусорную корзину.

— Не поможет, — сказал Андрей и все-таки собрал несколько комьев подошвой. — Уборщица по следам найдет каждого и закопает уже по-настоящему.

— Тебя первого, — отозвался Игорь. — Ты ей в пятницу ведро сломал.

— Оно само развалилось! Там ручка на честном слове держалась!

Горский сидел за столом, просматривал список звонков Корчагина и почти не участвовал в разговоре. Батьков открыл папку, достал чистый лист и положил перед ним.

— Давай решать, на чем будем получать разрешение.

Добрыня поднял голову и отодвинул лист двумя пальцами.

— Ни на чем. Пока могилу официально не трогаем.

— Мы ее уже потрогали, если ты забыл. Теперь надо сделать так, чтобы результаты существовали не только в наших головах.

— Успеем.

— Когда? После того как найдем Яропольцева в чужом багажнике и начнем объяснять, почему вообще искали мертвеца, который спокойно лежит на кладбище?

— Не начнем. Сначала оформим все как положено, потом свяжем.

Майор сел и развернул папку к себе. Горский говорил уверенно, но продолжал тереть большим пальцем угол списка, и бумага уже начала загибаться.

— Чтобы оформить, нужны основания, — напомнил Станислав. — Мы их собираем, получаем разрешение и открываем могилу второй раз при понятих. Иначе найденное тело в дело не заведешь без плясок и объяснений, после которых половина управления захочет узнать, что мы там устроили.

— Вот поэтому сейчас никаких оснований мы собирать не будем.

Хлыстов перестал возиться с землей и выпрямился.

— Погоди. На кладбище ты говорил обратное.

— На кладбище я еще не думал, сколько народу увидит бумаги, — ответил Горский. — Запустим официальную процедуру, и про Яропольцева узнают раньше, чем нам что-нибудь подпишут.

— Кто узнает? — спросил Вихров. — Холодов?

— Может, Холодов. Может, тот, кто отправил туда его машину. Может, еще кто-то.

Батьков взял ручку, но писать не стал. В словах Добрыни была нормальная следственная логика, только держался он не за нее. С тем же упрямством тот утром стоял возле могилы и утверждал, что под землей пусто, хотя еще не сняли ни одного венка.

— Ты чего-то не договариваешь, — сказал Станислав. — Выкладывай.

— Нечего выкладывать.

— Тогда откуда такая уверенность?

Горский бросил список на стол и провел ладонью по волосам.

— Не знаю, Батя. Нельзя сейчас вытаскивать это наружу.

— Почему?

— Да хрен его знает почему! — Добрыня подался вперед и уперся локтями в стол. — Сделаем все официально — потеряем тело. Или тех, кто его увез. Может, и то и другое сразу.

— Это ты увидел? — спросил Хлыстов. Улыбки на его лице уже не было.

— Ничего я не видел. Просто знаю, что поднимать шум нельзя.

Вихров забрал из рук напарника корзину и поставил возле шкафа. Потом вернулся к столу и взял тот лист, который Горский отодвинул.

— Допустим, молчим. Что делаем, если фургон найдется раньше, чем появятся законные основания открыть могилу?

— Осматриваем в рамках дела об убийстве Корчагина и Шведова, — ответил Добрыня. — Фургон был на площадке, ключи пропали, водитель скрылся. Для этого Яропольцев нам не нужен.

— А если внутри его кровь?

— Фиксируем и устанавливаем, чья она.

— И очень удивляемся результату, — добавил Хлыстов. — Покойник лежит в могиле, а кровь катается по городу без него.

— До результата еще дожить надо, — сказал Горский. — Найдите сначала этот чертов фургон.

Батьков забрал лист у Вихрова и положил обратно в папку. Оставлять пропажу тела без процессуального закрепления ему не нравилось, однако спорить с тем, что еще утром счел бы упрямством Добрыни, становилось труднее.

— Мы не можем вечно вести половину дела втемную, — сказал он. — Рано или поздно придется открыть гроб официально.

— Позже.

— Это не срок.

— Другого пока нет.

Хлыстов придвинул себе стул и сел возле торца стола.

— А если его вообще не найдут? Так и будем ждать, пока владыка решит еще раз на сына посмотреть?

— Митрополиту пока никто ничего не скажет, — отрезал Горский. — И к могиле без нас больше никого не подпускать.

— Ты ему охрану собрался выставить? — спросил Андрей. — Незаметную, чтобы каждый родственник покойного сразу понял, что там ни хрена не происходит?

— Начальник кладбища закроет участок до конца осмотра прилегающих дорожек. Потом камеры проверим.

— Камера там уже одна есть, — напомнил Вихров. — Очень удачно смотрит в сторону, противоположную нужной.

— Поставим свою.

Батьков откинулся на спинку стула и посмотрел на Добрыню. Тот не подбирал версию и не пытался продавить остальных громкостью. Ему самому хотелось найти нормальное объяснение, но внутри уже сидел ответ, с которым ничего не получалось сделать.

Дверь открылась без стука, и Волкова вошла в кабинет.

— Почему на весь коридор слышно Горского?

— А меня иначе игнорируют, — ответил Добрыня. — Приходится пользоваться преимуществами голоса.

— Пользуйся тише. Что не поделили?

Стас указал на папку.

— Я хочу собирать материалы для официальной эксгумации. Горский предлагает сделать вид, что покойник никуда не пропал.

— Я предлагаю не сообщать об этом всем подряд, — возразил Добрыня. — Получим разрешение, приедем туда с экспертами и обнаружим то, что уже нашли. Только к этому времени тело исчезнет окончательно.

Волкова повернулась к нему.

— Почему?

— Не знаю.

— Очень знакомо.

— Я серьезно, Варвара Николаевна. Нельзя выпускать информацию из этого кабинета.

Пока нельзя.

Она взяла со стола список звонков, просмотрела первую страницу и вернула Горскому. Батьков ждал, что полковник потребует обычных доводов, однако она подошла к окну и поправила жалюзи, закрывая щель между пластинами.

— Подадим бумаги на Яропольцева — фамилия уйдет из этого кабинета, — сказала она.

— И следом придут архивариусы.

Горский выпрямился. Пальцы, до этого теребившие загнутый угол листа, остановились.

— Вот, — произнес он. — Поэтому.

Майор перевел взгляд на него.

— Ты думал об архивариусах?

— Нет. Теперь думаю.

Хлыстов выругался и придвинул стул ближе к Вихрову.

— Опять эти сволочи? Им вообще есть дело, какого покойника ночью выкопали на городском кладбище?

— Теперь есть, — ответила Волкова. — Двое работников замерзли при плюсовой температуре, а тело человека, погибшего в Келье, исчезло. Все, что не укладывается в нормальное объяснение, они подчищают.

— Вместе с людьми, — подхватил Горский, развернул к себе список и разгладил угол ладонью. — Значит, бумагу нельзя выпускать.

— Ты это уже три раза сказал, — напомнил Батьков. — Теперь хотя бы понятно почему.

— Тебе объяснение было нужно или повод дальше спорить?

— Мне нужно дело, которое не развалится, когда мы найдем Яропольцева.

— Сначала найдем. Потом дадим бумажной части подавиться.

Стас сдержал усмешку и посмотрел на полковника.

— Вы понимаете, что потом нас сожрут? Могилу вскрывали без разрешения, отсутствие тела не зафиксировали, родственникам не сообщили.

— Понимаю, — ответила та. — Но если начнем оформлять сейчас, архивариусы получат время уничтожить все, что мы еще не нашли. Я не собираюсь отдавать им это дело вместе с телом и людьми, которые его увезли.

— Они уже могли заинтересоваться, — заметил Вихров. — На площадке работала дежурная группа. В рапортах холод все равно появится.

— Появится смерть от неустановленной причины, пока Логинов не даст заключение. Связи с Яропольцевым там нет и не будет.

— А машина Холодова? — спросил Хлыстов.

Полковник вернулась к столу и взяла распечатанный кадр с камеры. На записи нельзя было рассмотреть водителя, но номер легковой машины читался отчетливо.

— Холодов... на него копайте отдельно и до самого дна, — сказала она. — Мне нужны водитель, маршрут, все, кто имел доступ к машине, и законная связь с погибшими. Никаких предположений и попыток подтянуть его только как владельца автомобиля. Если он сам ездил на кладбище или отдал машину тем, кто нанял Корчагина, вы это докажете.

Батьков понял ее раньше, чем она закончила. Воевода искала любые пути помочь Оксане оставить Рамона у себя.

— Для дела об усыновлении? — спросил он.

— И для него тоже. Если Игорь Холодов связан с этим трупами, к Рамону его больше не подпустят точно. Оксане нужны факты, а не наша уверенность, поэтому по Холодову не упускаете ничего.

Горский забрал у нее кадр.

— Если он там был, найдем.

— Вот и найди. Только имя Яропольцева к машине не привязывай, пока не решим, как вывести тело в официальное дело.

Андрей потер щеку и посмотрел на Горского.

— Значит, ищем человека, который официально лежит в могиле и никуда не пропадал.

— Наконец дело под твой уровень, — подначил Вихров. — Свидетель точно не убежит.

— Зато может приехать в фургоне и дать показания.

— Если начнет давать, я уволюсь раньше тебя.

— Не успеешь, — вмешался Батьков. — Сначала объяснишь, почему разговаривал с покойником без следователя.

Игорь хотел ответить, но Волкова постучала ногтем по столу.

— Закончили. По Корчагину и Шведову работаете открыто. Фургон ищите как транспорт, связанный с местом обнаружения тел. Холодова проверяете без вызова и официальных запросов, пока не поймете, кто находился в машине. Все, что установите по нему, сразу сообщаете мне. Яропольцева ищите так, чтобы о поисках никто не узнал.

— Родственник у него один, — сказал Горский. — Если митрополит обратится к могиле раньше нас, все закончится.

— Не обратится, — ответила Волкова. — Он сам похоронил сына несколько дней назад и пока не получил причины проверять захоронение. Не дадим — не появится.

Батьков закрыл папку. Решение ему по-прежнему не нравилось, но после слов об архивариусах официальная процедура превращалась из защиты дела в прямое предупреждение тем, от кого это дело приходилось защищать.

— Хорошо, — сказал он. — Фургон беру на себя.

— Нет, Стас, — Волкова повернулась к Горскому. — Дело ведет он. Распределяй.

Добрыня нахмурился, посмотрел на карту города, приколотую возле шкафа, и встал.

— Вихрь, подними камеры по маршруту от площадки до выездов. Фургон мог сменить номера или уйти в гаражи, поэтому ищи по времени, кузову и повреждениям, если они попадут в кадр. Хлыст, бери телефоны погибших и всех, с кем они связывались за последние двое суток. Мне нужны люди, которые знали о ночной работе.

— А ты? — спросил Андрей.

— Займусь машиной Холодова и тем, кто мог ею пользоваться.

— Вместе со Стасом, — распорядилась Волкова. — По Холодову мне нужны вы двое. Один ведет дело, второй проверяет все, что может пригодиться Оксане отдельно от него.

Горский посмотрел на Батькова.

— Тогда Батя поднимет самого Холодова, а я займусь машиной и связями с погибшими.

— Договорились, — ответил Станислав.

Горский распределил работу и только после этого повернулся к Волковой.

— Материалы с площадки уже передали Морозовой?

— Передают. Тела отправили Логинову.

— Как только будут предварительные результаты, мне должны сообщить.

— Морозова знает, кому сообщать, — сказала полковник. — До этого не пытайся угадать, чем их убили.

— Я не угадываю.

— Вот и не начинай.

Она направилась к двери, но Стас окликнул ее:

— Варвара Николаевна, а если архивариусы уже знают?

Волкова остановилась и взялась за ручку.

— Тогда Горский прав, и времени у нас еще меньше. Работайте.

Дверь за ней закрылась. Хлыстов забрал со стола пакет с копиями телефонных данных, Вихров подтянул к себе клавиатуру и открыл городскую схему камер. Горский остался возле карты, провел пальцем от кладбища к площадке и дальше, к промышленной части города.

— Горский, — позвал Батьков. — На кладбище ты знал, что гроб пустой. Здесь знал, что нельзя поднимать шум. Дальше что? Как твой дар должен помочь?

Тот посмотрел на него и раздраженно дернул плечом.

— Если бы я знал, не стоял бы сейчас перед картой.

— А что чувствуешь?

— Что мы уже опаздываем.

Батьков открыл папку снова и убрал чистый лист в нижний ящик стола. К официальной эксгумации они еще вернутся, но сегодня фамилия Яропольцева не появится ни в одном новом документе.

На следующее утро Морозова разложила на рабочем столе фотографии с площадки, распечатанные результаты исследований и копию предварительного заключения Логинова. Одежда погибших оставалась в пакетах возле вытяжного шкафа: после отбора образцов трогать ее больше не требовалось. Наталья сравнила номера на бирках с описью, внесла последнюю отметку в журнал и закрыла его, придерживая страницы раненой рукой.

За ночь она проверила все, что могло объяснить белый налет на ткани и промерзшие участки. Следов вещества, способного вызвать резкое охлаждение, не обнаружила. В образцах оставалась обычная вода с частицами пыли, земли и волокон одежды, а на инструментах и брезенте не было ничего, кроме того, что они собрали на кладбище и площадке.

Телефон лежал рядом с заключением. Морозова посмотрела на время и набрала Логинова сама, хотя Геннадий Федорович обещал позвонить после повторного исследования тканей.

Он ответил почти сразу:

— Я как раз собирался тебе звонить. Получила предварительное?

— Получила. Вы оставили техническое воздействие.

— Оставил.

— Считаете возможным?

— В заключении считаю. Там я много чего считаю возможным, пока мне не докажут обратное.

Наталья придвинула фотографию ладони Шведова. Повреждение шло от основания пальцев к запястью, края кожи оставались неровными, а на металлической поверхности, к которой примерзла рука, должен был сохраниться ответный след. Только сам фургон они пока не нашли.

— Он был жив, когда ладонь примерзла? — спросила она.

— Да. И второй тоже был жив, когда началось охлаждение. Нормальной последовательности замерзания нет, Наташ. Они не провели несколько часов на морозе, не лежали без движения и не потеряли сознание от холода. Температура тела упала резко.

— Насколько резко?

— Я не дам тебе минуты. Очень быстро, и в официальном заключении этого тоже не будет, как ты понимаешь, пока не проведу все исследования.

Морозова взяла снимок Корчагина. На площадке холод сильнее всего затронул грудь и шею, а остальная одежда промерзла отдельными пятнами. Если рядом использовали оборудо-

дование, оно не оставило ни вещества, ни следов размещения, ни детали, которую эксперты могли бы принять за источник.

— Перевозку в холодильной установке исключаете?

— Они умерли там, где их нашли. Ты сама видела материалы с места.

— Видела. Мне нужно услышать это от вас.

— Исключаю. Их не охлаждали заранее и не выбрасывали потом. Оба находились на площадке живыми, а через небольшой промежуток времени уже были мертвы.

— Причина смерти?

— Предварительно — общее переохлаждение. У Шведова дополнительно холодовая травма кисти. Формулировку я еще уточню.

Наталья отложила фотографию и посмотрела на строки заключения. Логинов работал с ними достаточно давно, еще до нее, чтобы не искать удобное объяснение там, где его не было, и никогда не пытался прикрыть незнание сложными словами.

— Геннадий Федорович, чем их заморозили?

В трубке зашелестела бумага.

— Если узнаешь, скажи мне. Обычным холодом люди так не умирают, а другого у меня для тебя нет.

— Следы газа, жидкости, химического ожога?

— Ничего. Может, ваши найдут оборудование или фургон, тогда появится с чем работать.

Пока я вижу воздействие низкой температуры и не вижу ее источника.

— Полное заключение сначала пришлите мне.

— Уже собирался. Волкова предупреждала.

— Она предупреждала вас в прошлый раз.

— Варвара Николаевна умеет предупреждать на несколько дел вперед. Следовательно что отправлять?

— Предварительную причину смерти и все, что можно положить в дело. Остальное я объясню сама.

— Горскому?

— Он ведет расследование.

Логинов хмыкнул, но спрашивать больше не стал.

— Тогда объясни. И передай, что вскрытие не заменяет найденный фургон, сколько бы он на меня ни надеялся.

— Он на вас не надеется.

— Вот и хорошо. Значит, не разочаруется.

Наталья закончила разговор, положила телефон рядом с папкой и еще раз просмотрела свои результаты. Ни одна строка не давала Горскому причины отказаться от поисков. Наоборот, теперь у него появилось подтверждение, что на площадке находился человек или предмет, способный убить двоих взрослых мужчин за очень короткое время.

Она вспомнила Добрыню на мокром полу штольни, кровь на его рубашке и под спиной, а следом — больничную палату, куда пришла убедиться, что он выжил. Горский встретил ее со злостью и велел валить, раз уж она увидела все, что хотела. Наталья тогда ушла и несколько недель убеждала себя, что сорвалась в штольне из-за общей паники и необходимости удержать раненого в сознании, однако это объяснение окончательно развалилось после Эстимара. Добрыня ворвался к ней, едва не разодрав незажившие швы, а потом набросился на Стасю с такой яростью, что ни шрам, ни больница, ни сказанное между ними уже нельзя было спрятать за служебным долгом. Теперь он звонил без повода и привозил пакеты с продуктами, неизменно хорошими, дорогими и в таком количестве, словно собирался кормить ее до конца года. Он уверял, что все равно заезжал в магазин, она напоминала, что способна купить еду сама, но

пакеты принимала, и оба старательно не замечали, что этот нелепый порядок давно стал для них привычным.

Морозова закрыла папку, но не убрала ее. Сначала собиралась передать материалы через канцелярию, затем решила, что следователю потребуются пояснения, хотя все основные выводы помещались на двух листах и были написаны понятным языком.

Она набрала внутренний номер отдела. Трубку снял Хлыстов.

— Отдел. Капитан Хлыстов.

— Доброе утро. Морозова. Горский на месте?

— Был где-то здесь. Сейчас найду.

В трубке послышался стук положенного на стол аппарата, а затем голос Андрея:

— Добрынь, тебя Наталья Альбертовна!

Ответ Горского прозвучал дальше, но Наталья разобрала только ругательство. А через несколько мгновений он взял трубку.

— Слушаю.

— Предварительные результаты готовы. Подъедете?

— Что нашли?

— По телефону обсуждать не буду.

— Значит, что-то хорошее.

— С чего вы взяли?

— Иначе передала бы через канцелярию.

Наталья посмотрела на закрытую папку.

— Тогда можете не приезжать. Заключение получите обычным порядком.

— Уже еду. Не отдавай никому.

— Горский, я не собиралась раздавать материалы прохожим.

— Хлыстову тоже не давай. Он прочитает половину, остальное придумает.

Издалека донесся возмущенный голос Андрея. Наталья убрала прядь волос за ухо и сразу опустила руку, рассердившись на себя за ненужное движение.

— Жду в лаборатории, — сказала она. — Приедешь один?

— А кого ты еще ожидаешь увидеть?

— Через полчаса, лейтенант.

Она закончила вызов раньше, чем Горский успел ответить, и положила телефон экраном вниз. До его приезда оставалось проверить оформление заключения, подготовить материалы к выдаче и решить, как сказать человеку, который пережил нападение Лиха и счел это доказательством своей неуязвимости, что в следующий раз ему может не повезти.

Горский поднялся на второй этаж ЭКЦ и толкнул дверь лаборатории, получив разрешение войти. Морозова сидела за длинным столом возле окна и просматривала заключение. Белый халат был застегнут до горла, волосы собраны в хвост, а раненую руку она держала на краю стола.

— Доброе утро, — сказал он и прикрыл дверь. — Выглядишь так, словно собираешься сообщить, что мы все умрем.

— Если продолжишь входить без стука, начну с тебя.

— Я стучал.

— Один раз, одновременно открывая дверь.

— Значит, предупредил.

Наталья указала на стул напротив. Добрыня сел и потянулся к папке, но она накрыла ее ладонью.

— Сначала послушай.

— Уже страшно.

— Горский.

— Молчу.

Она убрала руку с папки и развернула к нему предварительное заключение Логинова. Добрыня пробежал первые строки, задержался на причине смерти и перелистнул страницу.

— Общее переохлаждение?

— Предварительно.

— На улице было тепло.

— Логинов заметил.

— Очень наблюдательный человек.

Морозова придвинула результаты своих исследований.

— В образцах с одежды нет следов хладагента, газа или другого вещества, способного объяснить такое снижение температуры. На инструментах и брезенте тоже ничего. Белый налет, который собрали на площадке, — замерзшая вода с обычными загрязнениями.

— А если их чем-то облили, и оно испарилось?

— Следы остались бы на ткани или коже. Их нет.

— Жидкий азот?

— При прямом воздействии повреждения выглядели бы иначе. И его еще нужно привезти, хранить и использовать так, чтобы никто не заметил емкость на площадке.

Горский вернулся к заключению Логинова.

— Они точно умерли там?

— Да. Оба были живы, когда подверглись воздействию холода. Тела не привезли замороженными и не оставили после смерти.

— Сколько времени понадобилось?

— Логинов не назвал точный промежуток. По его словам, температура упала очень резко.

— Настолько резко, что двое мужиков не успели даже добежать до ворот.

— Корчагин остался возле ограды, Шведов — возле фургона. Расстояние до ворот ты видел сам.

Добрыня отложил лист и посмотрел на фотографии. Один мужчина хватался за горло, второй успел коснуться двери, после чего ладонь примерзла к металлу. Тот, кто находился рядом, не удерживал их и не преследовал. Помощь ему тоже не потребовалась.

— Значит, источник был на площадке, — сказал он. — Машина или человек.

— Это уже ваша часть работы.

— Если бы там стояла установка, от нее остались бы следы.

— Или ее увезли на фургоне.

— Вместе с Яропольцевым.

Наталья поправила край заключения.

— Имя Яропольцева в этих материалах не фигурирует.

— И не будет. Пока.

— Тогда не произноси его в каждом кабинете, куда заходишь.

— Здесь можно.

— Почему?

Горский поднял голову.

— Потому что тебе я верю.

Морозова взяла ручку и указала на нижнюю строку.

— Распишись в получении.

— Хорошо поговорили.

— Мы закончили обсуждать результаты.

— Я заметил.

Добрыня подписал оба экземпляра и вернул ручку. Наталья проверила подпись, убрала один лист в папку, а второй вложила в файл для него. Рабочая часть встречи действительно закончилась, однако она не торопилась отдавать материалы.

— Куда ты сейчас? — спросила она.

— Вернусь в отдел. Вихрь поднимает камеры, Хлыст копается в телефонах погибших, а мы с Батей занимаемся машиной Холодова.

— Самого Холодова вызовете?

— Пока нет. Волкова велела работать тихо.

— Удивительно разумное решение.

— Мы иногда принимаем такие, когда рядом нет эксперта, который объясняет очевидное. Она пропустила подколку.

— Если установите водителя или найдете фургон, не лезь туда один.

— Наташ, я следователь. Мне положено лезть туда, куда нормальный человек не полезет.

— Тебе положено организовать осмотр и вызвать группу.

— Так и сделаю.

— В прошлый раз ты тоже много чего собирался сделать по правилам.

Добрыня усмехнулся и потянул папку к себе, но Морозова не отпустила ее.

— Осторожнее, Горский.

— Я всегда осторожен.

— Ты едва не умер в штольне.

— Но не умер же.

Ее пальцы разжались. Папка осталась у него в руках.

— Это не заслуга.

— Обидно слышать. Я старался.

— Вот именно.

Добрыня отложил материалы на край стола. Наталья уже повернулась к компьютеру, давая понять, что разговор закончен, однако он остался на месте.

— Ты из-за этих двоих беспокоишься? — спросил он. — Со мной такого не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Я Охотник, Наташ. Если рядом будет какая-то дрянь, замечу.

Морозова повернулась к нему.

— Как заметил Лихо?

— Его я пережил.

Она поднялась так резко, что стул ударился спинкой о шкаф.

— Ты дурак, Горский. Если тебе на свою жизнь наплевать, это не значит, что...

Наталья замолчала и потянулась к папке, но та лежала возле его руки. Добрыня накрыл материалы ладонью.

— Что это не значит?

— Ничего. Отдай заключение, я не поставила отметку.

— Поставила. Я видел.

— Тогда можешь идти.

— Наташ, что ты хотела сказать?

Она обошла стол и открыла шкаф с образцами. Раненая рука мешала справиться с замком, ключ несколько раз соскользнул, но помощь Морозова не попросила.

— Не всем на тебя наплевать, — сказала она. — Теперь уходи, мне работать надо.

Добрыня встал и забрал папку. Она открыла дверцу шкафа и начала переставлять контейнеры, хотя свободное место находилось на нижней полке. Добрыня подошел ближе, но остановился по другую сторону стола.

— Тебе не наплевать?

Морозова захлопнула шкаф и повернула ключ.

— Я видела, как ты чуть не умер. Любой нормальный человек после этого попросил бы тебя не лезть под следующую тварь.

— Наташ...

— Все, Горский!

Добрыня взял папку под мышку. Возле двери обернулся, но Наталья вернулась к столу и открыла журнал, не поднимая головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.